

ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ ИСТОРИИ
С ЭФФЕКТОМ ПСИХОТЕРАПИИ

ИРВИН

ЯЛОМ

4

ИЗДАНИЕ

ЛЖЕЦ НА КУШЕТКЕ

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Практическая психотерапия

Ирвин Ялом

Лжец на кушетке

«ЭКСМО»

1996

Ялом И. Д.

Лжец на кушетке / И. Д. Ялом — «Эксмо»,
1996 — (Практическая психотерапия)

ISBN 978-5-699-13764-0

Роман Ирвина Ялома "Лжец на кушетке" – удивительное сочетание психологической проницательности и восхитительно живого воображения, облеченное в яркий и изящный язык прозы. Изменив давней привычке рассказывать читателю о внутреннем мире и сокровенных переживаниях своих пациентов, доктор Ялом обращается к другим участникам психотерапевтических отношений – к самим терапевтам. Их истории рассказаны с удивительной теплотой и беспощадной откровенностью. Обратившись к работе доктора Ялома, читатель, как всегда, найдет здесь интригующий сюжет, потрясающие открытия, проницательный и беспристрастный взгляд на терапевтическую работу. Ялом показывает изнанку терапевтического процесса, позволяет читателю вкусить запретный плод и узнать, о чем же на самом деле думают психотерапевты во время сеансов. Книга Ялома – прекрасная смотровая площадка, с которой ясно видно, какие страсти владеют участниками психотерапевтического процесса.

ISBN 978-5-699-13764-0

© Ялом И. Д., 1996

© Эксмо, 1996

Содержание

Книги Ирвина Ялома	6
Пролог	8
Глава 1	31
Глава 2	38
Глава 3	51
Глава 4	58
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ирвин Ялом

Лжец на кушетке

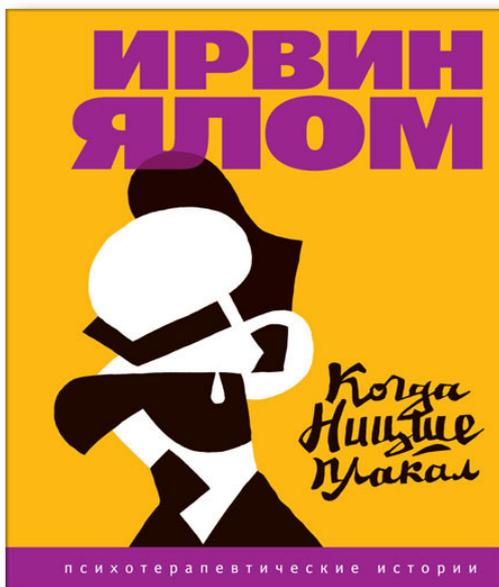
*Будущему – Лили, Алану, Леноре, Джейсону.
Пусть ваши жизни будут наполнены чудом.*

Irvin D. Yalom
LYING ON THE COUCH

Перевод с английского *М. Будиной*
Оформление серии *В. Меламед*

© 1996 by Irvin D. Yalom
© Оформление. В. Меламед, 2005
© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Книги Ирвина Ялома

«Когда Ницше плакал»

Незаурядный пациент... Талантливый лекарь, терзаемый мучениями... Тайный договор. Соединение этих элементов порождает незабываемую сагу будто бы имевших место взаимоотношений величайшего философа Европы (Ф. Ницше) и одного из отцов-основателей психоанализа (Й. Брейера).

«Лжец на кушетке»

Ялом показывает изнанку терапевтического процесса, позволяет читателю вкусить запретный плод и узнать, о чем же на самом деле думают психотерапевты во время сеансов.

Книга Ялома – прекрасная смотровая площадка, с которой ясно видно, какие страсти владеют участниками психотерапевтического процесса.

«Мама и смысл жизни»

Беря в руки эту книгу, ты остаешься один на один с автором и становишься не читателем, а скорее слушателем. Ну и, разумеется, учеником, потому что этот рассказчик учит. И когда он говорит: «Слушайте своих пациентов. Позвольте им учить вас», на какой-то миг вы меняетесь местами: ты становишься врачом, а Ялом – твоим пациентом, который учит своего терапевта. Ты только позволь ему это делать.

«Проблема Спинозы»

Жизнеописания гения и злодея – Бенедикта Спинозы и Альфреда Розенберга, интригующий сюжет, глубокое проникновение во внутренний мир героев, искусно выписанный антураж XVII и XX веков, безупречный слог автора делают «Проблему Спинозы» прекрасным подарком и тем, кто с нетерпением ждет каждую книгу Ялома, и тем, кому впервые предстоит насладиться его творчеством.

Пролог

Эрнесту нравилось быть психотерапевтом. День за днем пациенты открывали ему самые сокровенные тайники своей жизни. День за днем он успокаивал их, утешал их, прогонял отчаяние. А его за это обожали, холили и лелеяли. И платили ему, не без этого. Хотя Эрнест часто думал, что, не нуждайся он в деньгах, он бы занимался психотерапией на благотворительных началах.

Счастлив тот, кто любит свою работу. Эрнест, разумеется, понимал, что ему повезло. Более того, он понимал, что на него снизошло благословение. Он нашел свое призвание и мог со всей уверенностью заявить, что находится именно там, где должен быть, – на пике своего таланта, интересов, страстей.

Эрнест не был религиозным человеком. Но каждое утро, когда он открывал регистрационную книгу и видел имена восьми-девяти дорогих его сердцу людей, с которыми ему предстояло провести этот день, его охватывало чувство, назвать которое он мог лишь религиозным. В такие моменты его охватывало непреодолимое желание рассыпаться в благодарностях – кому-то, чему-то, что привело его на верный путь.

Бывало, по утрам, вглядываясь в небеса над Сакраменто-стрит, в утренний туман, он представлял, как в неверном свете утра перед ним проходят его предшественники-психотерапевты.

«Спасибо, спасибо вам», – прошептал бы он. Он благодарил их всех – всех целителей, лечащих отчаяние. В первую очередь – прародителей, чьи неземные силуэты были едва различимы: Иисус, Будда, Сократ. Далее – чуть более отчетливые образы отцов-основателей: Ницше, Кьеркегор, Фрейд, Юнг. Ближе – старшее поколение терапевтов: Адлер, Хорни, Салливан, Фромм и милое улыбочное лицо Шандора Ференци.

Несколько лет назад они откликнулись на его отчаянную мольбу, когда после практики в лечебнице он повел себя как любой полный амбиций молодой нейропсихиатр и занялся нейрорхимическими исследованиями, обещавшими большое будущее и море возможностей для личностного роста. Прародители знали, что он сбился с пути. Его место было не в научной лаборатории. И не на раздаче лекарств в психофармакологии.

Они послали к нему вестника – забавного, курьезного посланника власти, – чтобы вернуть его на предназначенный ему путь. До этого дня Эрнест не знал, почему он решил посвятить себя психотерапии. Но он помнил, когда принял это решение. Он помнил этот день со всей ясностью. Прекрасно помнил он и посланника. Это был Сеймур Троттер, человек, которого он видел лишь однажды, но который изменил его жизнь раз и навсегда.

Шесть лет назад председатель кафедры назначил Эрнеста на прохождение практики в Стэнфордском комитете этики клинической медицины, и первым дисциплинарным иском, с которым ему пришлось работать, было дело доктора Троттера. Сеймур Троттер был патриархом психиатрии и бывшим президентом психиатрической ассоциации семидесяти одного года от роду. Он был обвинен в сексуальных домогательствах к своей тридцатидвухлетней пациентке.

В то время Эрнест был помощником профессора, четыре года назад закончившим учебную практику в лечебнице. У него была постоянная работа в сфере нейрорхимических исследований – и ни малейшего представления о мире психотерапии. Именно поэтому он не понимал, почему именно ему поручили работать с этим случаем, а произошло это именно потому, что никто другой за него не взялся бы: любой психотерапевт со стажем в Северной Каролине благоговел перед Сеймуром Троттером – и боялся его.

В качестве места для проведения интервью Эрнест выбрал строгий административный кабинет больницы и приложил все усилия к тому, чтобы выглядеть официально. В ожидании

доктора Троттера он поглядывал на часы, перед ним лежала папка с иском, но он не открывал ее. Чтобы остаться беспристрастным, Эрнест решил беседовать с обвиняемым, не имея никакой исходной информации, что позволило бы ему выслушать историю из его уст без каких бы то ни было предубеждений. Он ознакомится с содержанием этой папки позже и, если возникнет такая необходимость, назначит вторую встречу.

Он слышал стук, раздающийся в холле. Доктор Троттер слеп? Его никто об этом не предупредил. Стук, сопровождаемый шарканьем, приближался. Эрнест встал и вышел в холл.

Нет, он не слеп. Калека. Доктор Троттер ковылял по коридору, неловко балансируя между двумя тростями. Согнувшись, он широко расставлял трости, держа их практически на вытянутых руках. Его крепкие, сильные подбородок и скулы были в хорошей форме, но все остальное пространство было покрыто морщинами и старческими пятнами. Кожа на шее собралась в крупные складки, из ушей выбивались пучки белой поросли. Но годы не могли взять свое – что-то юное, даже мальчишеское осталось в этом человеке. Что же это? Может, волосы – ежик густых седых волос – или одежда – синяя джинсовая куртка поверх белого свитера с высоким горлом.

Знакомство прошло в дверях. Доктор Троттер сделал два нетвердых шага, вдруг вскинул свои трости, бешено завертелся и, словно по чистой случайности, спланировал прямо на свой стул.

«О-па! Что, удивился?»

Эрнест не мог позволить себе сойти с намеченного пути. «Доктор Троттер, вы понимаете, для чего нужно это интервью и почему я записываю его на пленку?»

«Я слышал, что руководство госпиталя собирается представить меня к награде как лучшего сотрудника месяца».

Эрнест не ответил. Он не отрываясь смотрел в его огромные круглые очки.

«Простите, я знаю, что у вас есть работа и вам надо ее выполнять, но, когда размениваешь восьмой десяток, начинаешь смеяться над такими вот удачными приколами. Да, на прошлой неделе пошел семьдесят второй год. А вам сколько лет, доктор?.. Я забыл, как вас зовут. Каждую минуту, – произнес он, постучав себя по голове, – дюжины нейронов коры головного мозга вылетают наружу, словно дохнувшие мухи. Самое забавное в этом то, что я опубликовал четыре работы по болезни Альцгеймера – разумеется, уже не помню где, но в хороших журналах. Вы знали об этом?»

Эрнест покачал головой.

«Итак, вы не знали, я забыл, так что мы с вами в одной лодке. Знаете, что самое классное в болезни Альцгеймера? Ваши новые знакомые оказываются вашими старыми друзьями, и вы сами можете класть себе подарки под елку».

Эрнеста все это раздражало, но он не смог сдержать улыбку.

«Итак, ваше имя, возраст, мировоззренческая позиция?»

«Доктор Эрнест Лэш, а остальное, доктор Троттер, скорее всего на данный момент к делу не относится. Нам сегодня предстоит много работы».

«Моему сыну сорок. Вы не старше его. Я знаю, что вы выпускник Стэнфорда. Слышал, в прошлом году у вас были серьезные выступления. Вы хорошо справились. Очень четкое изложение материала. Сейчас психофармакология на волне, не так ли? И как же вас сейчас учат психотерапии? Вас вообще этому учат?»

Эрнест снял часы и положил их на стол. «Когда-нибудь, в другой раз, я с радостью представлю вам копию стэнфордского расписания, но сейчас, доктор Троттер, прошу вас, давайте приступим к делу. Пожалуй, лучше всего, если вы сами расскажете мне о миссис Феллини».

«Ладно, ладно, ладно. Вы хотите, чтобы я был серьезен. Вы хотите, чтобы я рассказал вам свою историю. Садись, *паренек*, и слушай мою историю. Начнем с начала. Было это года четыре назад – как минимум четыре года назад... Я потерял все свои записи об этой пациентке... что

говорится об этом в вашей папке, когда это было? Что? Вы не читали материалы дела. Лень? Или пытаетесь избежать ненаучной непредвзятости?»

«Прошу вас, доктор Троттер, продолжайте».

«Первый принцип интервью – создать теплую атмосферу доверия. Вы справились с этой задачей настолько искусно, что теперь мне намного легче говорить с вами об этих болезненных и неприятных вещах. О, это вас трогает. Будьте поосторожнее со мной, доктор Лэш, я сорок лет читал лица. У меня это очень хорошо получается. Но если вы больше не будете меня перебивать, я начну. Готовы?»

Несколько лет назад – скажем, около четырех лет – женщина, Белль, вошла в мой кабинет, я бы даже сказал, втащила себя – или вволокла. Да, лучше так. Вволокла – есть такой глагол? Лет тридцать пять, из хорошей обеспеченной семьи – шведско-итальянской, – в депрессии, на улице лето, а она в блузке с длинными рукавами. Явно резала себе вены, все запястья в порезах. Доктор Лэш, если летом человек носит одежду с длинными рукавами, трудный пациент, можете не сомневаться: перед вами любитель резать вены или колоть наркотик. Привлекательная, с потрясающей кожей, чарующие глаза, элегантно одетая. Настоящий класс, но на грани упадка.

Большой стаж саморазрушения. Сами понимаете: наркотики, все попробовала, ничего не пропустила. Когда мы встретились впервые, она опять начала пить и колола героин. Но так никогда и не привыкала к наркотикам по-настоящему. Как-то ей это удавалось – есть такие люди, – но она работала над этим. Не обошлось и без пищевого расстройства. В основном анорексия, но бывали и приступы булимической рвоты. Я уже говорил о том, что она резала вены, – все руки, запястья сплошь покрыты шрамами: ей нравилась боль, нравилась кровь, только в эти мгновения она чувствовала себя живой. Пациенты твердят об этом постоянно. Полдюжины госпитализаций – краткосрочных, она выписывалась через пару дней. Вся больница радовалась, когда она выписывалась. Она была настоящим специалистом, гением прямо таки по части беспорядков. Помните «Игры, в которые играют люди» Эрика Берна?

Нет? Это, наверное, было до вас. Боже святой, я чувствую себя стариком. Хорошая штука – Берна был умный мальчик. Прочтите, такое не должно забываться.

Замужем, детей нет. Она не хотела их заводить, говорила, что этот мир – слишком жуткое и гадкое место, чтобы приводить сюда детей. Хороший муж, отвратительные отношения. Он очень хотел детей, из-за этого постоянно были стычки. Он был банкиром, занимался инвестициями, как и ее отец, вечно в разъездах. Через несколько лет семейной жизни его либидо умерло – или переключилось на зарабатывание денег: он хорошо зарабатывал, но ему никогда не удавалось сорвать по-настоящему большой куш, как ее отцу. Дела, дела, дела, спал с компьютером. Может, его он и трахал, кто знает. Но Белль он не трахал, это уж точно. По ее словам, он годами избегал ее. Может быть, потому, что злился из-за того, что у него не было детей. Трудно сказать, на чем держался их брак. Он был воспитан в семье последователей «Христианской науки»¹ и отказывался пройти курс семейной терапии или какой-либо другой психотерапии. Но она говорила, что никогда по-настоящему не настаивала на этом. Посмотрим. Что еще? Направляйте меня, доктор Лэш.

Преыдущие терапевты? Хорошо. Важный момент. Я всегда задаю этот вопрос в первые полчаса. Непрерывающийся курс терапии – или попытки терапевтического воздействия, – начавшийся еще в подростковом возрасте. Прошла через руки всех женевских терапевтов, ездила в Цюрих к психоаналитикам. Училась в американском колледже, в Помоне, переходила от терапевта к терапевту, причем с большинством из них дело ограничивалось единственным сеансом. На трех-четыре терапевтах она застревала по несколько месяцев, но ни с кем не получалось ничего путного. Белль была – и остается – очень свободолюбивой. Никто не

¹ Религиозная система, разработанная в США Мэри Бейкер Эдди (1821–1910). – Прим. ред.

может быть достойным ее или по крайней мере подходящим. У каждого терапевта находился какой-то недостаток: слишком формальный, слишком помпезный, слишком критичный, слишком снисходительный, слишком деловой, слишком холодный, слишком озабоченный диагностикой, слишком зависимый от стереотипов. Психиатрическое воздействие? Психологическое тестирование? Поведенческие протоколы? Забудьте! Все это советуют, и всех она сразу же отбраковывала. Что еще?

Почему она выбрала меня? Замечательный вопрос, доктор Лэш. Конкретизирует беседу и ускоряет процесс. Мы скоро сделаем из вас психотерапевта. У меня было такое ощущение, еще когда я слышал ваши выступления. Хорошая голова, острый ум. Это было видно по тому, как вы преподносили материал. Но что мне понравилось больше всего, так это то, как вы докладывали о случаях, с которыми работали, особенно то, как вы позволяете пациентам воздействовать на вас. Я увидел в вас полный набор нужных инстинктов. Как говорил Карл Роджерс, «не теряйте время на обучение терапевтов, лучше посвятите это время их отбору». Я всегда считал, что в этих словах большая доля правды.

Итак, на чем я остановился? А, как она вышла на меня. Ее гинеколог, которого она обожала, в свое время был моим пациентом. Он сказал ей, что я правильный парень, не трепач и берусь за любые случаи. Она нашла меня в библиотеке, и ей понравилась моя статья пятнадцатилетней давности, в которой я рассматривал предложение Юнга относительно изобретения нового терапевтического языка для каждого отдельного пациента. Знаете эту статью? Нет? «Журнал ортопсихиатрии». Я пришлю вам копию. Я зашел даже дальше, чем Юнг. Я предложил изобретать новый вид терапии для каждого отдельного пациента, предложил со всей серьезностью относиться к идее уникальности каждого пациента и разрабатывать для каждого из них свой уникальный психотерапевтический метод.

Кофе? Да, я пожалуй, не откажусь. Черный. Благодарю вас. Так что вот как она нашла меня. Доктор Лэш, следующее, о чем вы должны меня спросить? Зачем? Именно. Именно об этом. Такой вопрос всегда надо задавать новому пациенту, если вы хотите, чтобы ваша работа была продуктивной. Ответ такой: опасные сексуальные выходки. Это понимала даже она сама. Она всегда вытворяла что-то подобное, но сейчас это начинало переходить все возможные пределы. Представьте, на скоростном шоссе она пристраивалась рядом к грузовику или трейлеру – достаточно высокому для того, чтобы водитель мог видеть, что происходит в салоне ее машины, – задирала юбку и мастурбировала – на скорости восемьдесят миль в час. Безумие. Потом она поворачивала, и, если водитель следовал за ней, она останавливалась, забираясь к нему в кабину и делала ему минет. Смертельный номер. И таких случаев тьма. Она настолько не контролировала себя, что, когда уставала, отправлялась в какой-нибудь низкопробный бар Сан-Хосе, иногда там тусовались чикано, иногда черные, и снимала кого-нибудь. Она получала кайф от опасных ситуаций, когда ее окружали незнакомые мужчины, потенциальные насильники. Опасность исходила не только от мужчин, но и от проституток, которые приходили в бешенство оттого, что она занималась их делом и уводила их клиентуру. Они грозились убить ее, так что ей приходилось кочевать с одного места на другое. А СПИД, герпес, безопасный секс, презервативы? Как будто она ничего обо всем этом не слышала.

Так что приблизительно в таком состоянии была Белль, когда мы начали работать с ней. Представляете себе ситуацию? У вас есть какие-нибудь вопросы или мне можно продолжать? О'кей. Итак, каким-то образом во время первой нашей встречи я прошел все ее испытания. Она вернулась во второй раз и в третий, так что мы начали курс терапии, встречаясь по два, а иногда по три раза в неделю. Целый час я самым подробным образом расспрашивал ее о работе с предыдущими терапевтами. Эта стратегия всегда очень полезна при работе с трудными пациентами, доктор Лэш. Узнайте, как они ее лечили, и старайтесь не повторять их ошибок. Выкиньте из головы эту чушь о том, что пациент не готов к терапевтическому воздействию! Это тера-

певтическое воздействие не готово к пациенту. Но для того чтобы быть способным изобрести новую терапию для каждого пациента, вы должны быть смелым и креативным.

Белль Феллини не была тем пациентом, с которым можно было работать при помощи традиционных техник. Если бы я продолжил играть свою нормальную профессиональную роль: собирал информацию, рефлексировал, эмпатировал, интерпретировал... пф! Она бы сбежала. Поверьте мне. Sayonara². Auf Wiedersehen³. Именно так заканчивались ее отношения со всеми терапевтами, которые ей попадались, причем многие из них были на хорошем счету. Знаете эту старую шутку – операция прошла успешно, но пациент скончался.

Какими методиками пользовался я? Боюсь, вы перестали меня понимать. Моя методика состоит в том, чтобы не придерживаться ни одной методики! Я не умничаю, доктор Лэш, это первое условие качественной психотерапии. Если вы станете терапевтом, вы тоже будете следовать этому правилу. Я пытался быть более человечным и менее механистичным. Я не составляю систематизированные терапевтические планы – после сорока лет практики вы бы тоже не стали этим заниматься. Я доверяю своей интуиции. Но вам, как новичку, это не подходит. Оглядываясь назад, я понимаю, что самым удивительным аспектом патологии Белль была ее импульсивность. У нее появляется желание – бинго! Она начинает делать все для его осуществления. Помню, я хотел повысить ее толерантность⁴ к фрустрации. Это была моя начальная точка, моя первоочередная, а может – и основная цель терапии. С чего же мы начали? Без своих записей мне трудно вспомнить, с чего все начиналось, – столько лет прошло.

Я же говорил вам, что я потерял их. Вижу сомнение на вашем лице. Записи пропали. Исчезли, когда я переезжал из офиса в офис два года назад. Вам ничего не остается, кроме как поверить мне на слово.

Главное, что мне запомнилось из этого начального периода, так это тот факт, что дела шли намного лучше, чем я мог представить. Не знаю почему, но я сразу приглянулся Белль. Вряд ли это заслуга моей ослепительной внешности. Мне как раз сделали операцию на катаракту, так что мои глаза выглядели отвратительно. Да и моя атаксия⁵ особой сексуальности к моему облику не прибавляет. Это наша семейная мозжечковая атаксия, если хотите знать. Прогрессирующая. Я еще похожу на своих двоих годик-другой, а потом три-четыре года посижу в инвалидном кресле. Cest la vie.

Полагаю, я подкупил Белль тем, что обращался с ней как с личностью, с человеком. Я поступал именно так, как вы поступаете сейчас, и я, доктор Лэш, очень рад, что вы действуете так же. Я не читал ни одну ее карту. Я взялся за это дело вслепую, хотел иметь совершенно свежий, незатуманенный взгляд на вещи. Белль никогда не была для меня диагнозом: ни пограничным состоянием, ни пищевым расстройством, ни компульсивным антисоциальным расстройством. Так я отношусь ко всем своим пациентам. Надеюсь, я не стану диагнозом для вас.

Считаю ли я необходимым ставить диагноз? Ну, я знаю, что все вы, теперешние выпускники, да и вся психофармакологическая промышленность только этим и живете. Психиатрические журналы переполнены бессмысленными рассуждениями о нюансах диагностики. Это все будет забыто. Я знаю, некоторые психозы нуждаются в диагностике, но в повседневной психотерапии роль диагностики невелика – а то и негативна. Вы никогда не задумывались над тем, что поставить пациенту диагноз при первой встрече легко, но чем лучше вы его узнаете, тем задача становится сложнее? Спросите об этом любого опытного терапевта в частной беседе, и

² До свидания (японск.). – Прим. ред.

³ До свидания (нем.). – Прим. ред.

⁴ Терпимость, способность переносить. – Прим. ред.

⁵ Нарушение координации движений. – Прим. ред.

он скажет вам то же самое! Иными словами, уверенность обратно пропорциональна осведомленности. Такая вот наука, ага?

Я пытаюсь объяснить вам, доктор Лэш, что я не просто не поставил диагноз Белль, я и не мыслил такими категориями. Я и сейчас не думаю. Несмотря на все случившееся, на все, что она сделала, я так не думаю. И я думаю, что она знала об этом. Мы были всего лишь двоими людьми, вступающими в контакт. И мне нравилась Белль. Всегда нравилась. Очень! И она это знала. Может, в этом все дело.

Белль не была хорошим пациентом для разговорной терапии – ни для одной ее разновидности. Импульсивная, предпочитающая действия размышлениям, неспособная к интроспекции, к свободным ассоциациям; собственный внутренний мир ее совершенно не интересовал. Она никогда не справлялась с традиционными терапевтическими заданиями, такими, как самоисследование, инсайт, что только понижало ее самооценку. Вот почему терапия всегда оказывалась неэффективной. И вот почему я был уверен в необходимости направить ее внимание в иное русло. Вот почему мне пришлось изобрести новый терапевтический подход специально для Белль.

Например? Хорошо, я приведу вам пример. Это произошло в самом начале терапии, на третьем или, возможно, четвертом месяце. Тогда я вплотную занимался ее самодеструктивным сексуальным поведением и расспрашивал ее о том, что ей действительно нужно от мужчин, в том числе и от первого мужчины в ее жизни – ее отца. Но я старался впустую. Она наотрез отказывалась говорить о прошлом – слишком много говорила об этом с другими терапевтами, заявила она. Еще она была уверена в том, что раскапывание могил прошлого служит лишь благовидным предлогом для того, чтобы снять с себя ответственность за собственные поступки. Она прочла мою книгу по психотерапии и цитировала по ней мои же слова. Меня это бесило. Когда пациенты начинают сопротивляться, цитируя твои собственные книги, можешь считать, что тебя взяли за жабры.

На одном из сеансов я попросил ее рассказать какую-нибудь детскую мечту или сексуальную фантазию, и в конце концов, чтобы посмешить меня, она пересказала одну повторяющуюся фантазию, которая была у нее лет в восемь-девять: на улице страшный ливень, она входит в комнату, замерзшая и вымокшая до нитки. Там ее ждет пожилой мужчина. Он обнимает ее, снимает промокшую одежду, вытирает огромным теплым полотенцем, поит горячим шоколадом. И я предложил ей разыграть сценку: сказал ей, чтобы она вышла из кабинета и вошла обратно, притворяясь, что промокла и замерзла. Я, разумеется, опустил сцену с раздеванием, принес из ванной внушительных размеров полотенце, хорошенько вытер ее – все это без всякого сексуального подтекста, как и было всегда. Я «высушил» ее волосы, после чего закутал ее в полотенце, усадил на стул и приготовил чашку растворимого горячего шоколада.

Не спрашивайте, почему я решил проделать это именно тогда. С таким большим стажем практики, как у меня, начинаешь доверять своей интуиции. И этот случай изменил все. Какое-то время Белль не могла произнести ни слова, в ее глазах стояли слезы, а потом она разрыдалась, как дитя. Белль никогда, никогда не плакала у терапевтов. Ее сопротивление как рукой сняло.

Что я имею в виду под исчезновением сопротивления? Я имею в виду, что она стала доверять мне, поверила в то, что мы с ней находимся по одну сторону баррикад. Технический термин, доктор Лэш, обозначающий этот феномен, – «терапевтический альянс». После этого она стала настоящим пациентом. Она смело делилась важной информацией. Она начала жить в ожидании следующего сеанса. Терапия стала центром ее вселенной. Снова и снова она повторяла, как много я для нее значу. И все это – через каких-то три месяца.

Не слишком ли много я значил для нее? Нет, доктор Лэш, терапевт не может значить для пациента слишком много в самом начале терапии. Даже Фрейд пользовался стратегией

замены психоневротического состояния на невроз переноса – это эффективнейший способ, помогающий взять под контроль деструктивные симптомы.

Это привело вас в замешательство. Ну что обычно происходит, когда пациент становится одержим терапевтом? Он подолгу размышляет над каждым сеансом, ведет бесконечные воображаемые диалоги с терапевтом между сеансами. Со временем на место симптомов приходит терапия. Иными словами, пациентом перестают управлять внутренние невротические факторы, и он начинает меняться под воздействием требований терапевтических отношений.

Нет, спасибо, кофе достаточно, Эрнест. Но вы не обращайтесь внимания, пейте. Вы не возражаете, если я буду называть вас Эрнестом? Хорошо. Итак, чтобы добиться результатов, я решил воспользоваться ее состоянием. Я сделал все, что мог, чтобы стать для нее максимально значимым. Я отвечал на все без исключения вопросы о своей жизни, я поддерживал то, что было в ней позитивного. Я рассказывал ей, насколько она умна и красива. Я ненавидел то, что она делает с собой, и прямо, без обиняков ей об этом заявлял. Мне было нетрудно: все, что от меня требовалось, – говорить правду.

Вы спрашивали меня, какой методикой я оперировал. Может, лучшим ответом на этот вопрос будет следующее: я говорил правду. Со временем я стал играть более важную роль в ее фантазиях. Она подолгу рассказывала о своих фантазиях, касающихся нас обоих, – как мы просто проводим время вместе, обнимаемся, я играю с ней, словно с ребенком, кормлю ее. Однажды она принесла в кабинет баночку желе «Jell-O», ложку и попросила меня покормить ее, что я и сделал, вызвав бурную радость.

Звучит вполне невинно, правда? Но я знал, еще в самом начале, что за всем этим неясно вырисовывается тень. Я знал это, я знал это, когда она рассказывала, как она возбудилась, когда я кормил ее. Я знал это, когда она рассказывала о том, как она подолгу плавает в каноэ, по два-три дня в неделю, только чтобы побыть в одиночестве, плыть по воде и наслаждаться фантазиями обо мне. Я знал, что рискую, но это был просчитанный риск. Я хотел позволить сформироваться позитивному переносу, который мог бы впоследствии использовать для борьбы с ее саморазрушительными тенденциями.

И через несколько месяцев я стал играть такую большую роль в ее жизни, что получил возможность добраться до ее патологии. Для начала я занялся вопросами жизни и смерти: ВИЧ, сцены в барах, шоссейный ангел милосердия, практикующий оральный секс. Она сдала кровь на ВИЧ – отрицательная реакция, слава богу. Я помню, как мы в течение двух недель ждали результатов анализа. Надо сказать, что переживал я не меньше ее.

Вам когда-нибудь приходилось работать с пациентом, ожидающим результатов анализа на ВИЧ? Нет? О Эрнест, этот период ожидания – непаханое поле возможностей. Вы можете использовать его для того, чтобы провести по-настоящему серьезную работу. Несколько дней пациенты проводят лицом к лицу со своей собственной смертью, возможно, первый раз в жизни. В это время вы можете помочь им исследовать список приоритетов и внести в него изменения, сделать основой их жизни то, что имеет реальное значение. Я иногда называю это терапией экзистенциального шока. Но не в случае Белль. Ее это не беспокоило. Просто отказывалась верить. Как и большинство пациентов, склонных к саморазрушению, она была уверена в собственной неуязвимости – умереть она могла лишь от собственной руки.

Я рассказал ей о ВИЧ, о герпесе, которого, что удивительно, у нее тоже не оказалось, о безопасном сексе. Я рассказал ей о более безопасных местах, где можно подцепить мужчину, если уж ей обязательно надо это сделать: теннисные клубы, собрания Ассоциации родителей-учителей, читальные залы книжных магазинов. Белль была неподражаема, она была способна назначить тайное свидание совершенно незнакомому красавцу за каких-то пять-шесть минут, причем в десяти футах могла в этот момент находиться ничего не подозревающая жена. Должен отметить, я завидовал ей. Большинство женщин не ценят свое счастье в этом плане.

Можете представить себе мужчину – особенно такую старую развалину, как я, – проделывающего что-то подобное с такой легкостью?

Поразительным качеством Белль при всем том, о чем я уже рассказал вам, была ее абсолютная честность. На первых двух сеансах, когда мы решали, что будем работать вместе, я поставил основное условие терапии – стопроцентная честность. Она должна была сообщать мне обо всех значимых событиях, происходящих в ее жизни: употребление наркотиков, импульсивные сексуальные выходки, порезы, рвота, фантазии – обо всем. Иначе, сказал я ей, мы только потратим время зря. Но если она делится чем-то со мной, то может с полной уверенностью рассчитывать на меня – я помогу ей справиться с этим. Она дала мне это обещание, и мы скрепили этот контракт церемонным рукопожатием.

И, насколько мне известно, она свое обещание сдержала. На самом деле это было частью моего метода, потому как, если бы в течение недели произошли какие-либо серьезные срывы, например, она порезала себе руки или отправилась в бар, я бы проанализировал их до мельчайших подробностей. Я настоял бы на глубоком и длительном исследовании всех происшествий, имевших место незадолго до срыва. «Прошу вас, Белль, – говорил я, – я должен услышать все, что происходило до этого, все, что может помочь нам понять, почему это произошло: как вы провели утро, о чем вы думали, что чувствовали, о чем мечтали». И Белль оказывалась припертой к стенке: она хотела поговорить о множестве других вещей, и ей ужасно не нравилось тратить значительную часть сеанса на подобные разговоры. Только это помогало мне держать ее импульсивность под контролем.

Инсайт? Не самый частый гость в терапии Белль. О, она начала понимать, что чаще всего ее импульсивным срывам предшествует ощущение омертвелости и опустошенности и что риск, порезы, секс, кутежи были попыткой заполнить себя чем-то или вернуть себя к жизни.

Но чего Белль никак не могла понять, так это абсолютной бесплодности этих попыток. После каждой из них наступал обратный эффект, так как далее следовало появление острого чувства стыда и новые, более отчаянные – и более саморазрушительные – попытки почувствовать себя живой. Белль с каким-то невероятно бестолковым упорством не желала понимать, что ее поведение влечет за собой определенные последствия.

Так что на инсайт надеяться не приходилось. Мне нужно было предпринять что-то другое, и я испробовал все, что есть в книгах и чего в них нет, чтобы сдержать ее импульсивность. Мы составили список ее самодеструктивных видов поведения, и она дала согласие не совершать ничего из того, что записано в этот список, не позвонив предварительно мне и не представив мне шанс отговорить ее. Но звонила она редко, потому что не хотела посягать на мое личное время. Где-то в глубине души она была уверена, что моя преданность на самом деле ничего не стоит, что я скоро устану и избавлюсь от нее. Мне никак не удавалось ее переубедить. Она просила дать ей какое-нибудь конкретное напоминание обо мне, чтобы она могла иметь его при себе. Это помогло бы ей контролировать себя. «Выберите что-нибудь из того, что есть в офисе», – сказал я ей. Она сняла с моей куртки шейный платок. Я отдал платок ей, но перед этим написал на нем слова, представлявшие мне важными:

Мне кажется, что я мертва, и я причиняю себе боль, чтобы почувствовать, что я жива.

Я бесчувственна, и я иду на риск, подвергая себя опасности, чтобы чувствовать, что я живу.

Я чувствую опустошенность, поэтому я пытаюсь заполнить себя наркотиками, едой, спермой.

Но это всего лишь короткие передышки. Все кончится тем, что мне будет стыдно, – и я буду еще более мертвой и опустошенной.

Я наказал Белль медитировать на этот платок каждый раз, когда у нее будут возникать деструктивные импульсы.

На вашем лице насмешка, Эрнест. Вы не согласны? Почему? Слишком уж хитроумно? Нет, что вы. Я понимаю, что это кажется чересчур мудреным, согласен, но в безнадежных случаях мы прибегаем к отчаянным шагам. Я обнаружил, что пациентам, у которых так и не появилось отчетливое ощущение постоянства предметного мира, очень помогает что-то вещественное, некое конкретное напоминание. Один из моих учителей, Льюис Хилл, который потрясающе работал с тяжелыми случаями шизофрении, дышал в маленькие бутылочки и раздавал их пациентам: они должны были носить их на шее, пока он был в отпуске.

Этот прием тоже кажется вам слишком хитроумным, Эрнест? Позвольте мне предложить вам другое слово, оно лучше здесь подходит: креативно. Помните, что я говорил о создании новой терапии для каждого пациента? Именно это я и имел в виду. Кстати, вы не задали мне самый важный вопрос.

Подействовало ли это? Несомненно, несомненно. Это самый уместный вопрос. Единственно возможный вопрос. Забудьте правила. Да, это подействовало! Это работало с пациентами доктора Хилла и подействовало на Белль. Она носила мой шейный платок и постепенно брала свои импульсы под контроль. Она «соскакивала» все реже, и скоро мы получили возможность прорабатывать и другие проблемы на терапевтических сеансах.

Что? Простой перенос и его терапевтический эффект? Кажется, вы начинаете что-то в этом понимать, Эрнест. Хорошо, хорошо, что вы спросили. У вас чутье на то, что действительно стоит внимания. Послушайте меня, вы не тем занимаетесь – вы не предназначены для работы в нейрохимии. Как вам сказать... Фрейд возвел напраслину на терапевтический эффект переноса около ста лет назад. В его словах есть рациональное зерно, но по большей части он ошибался.

Поверьте мне, если вам удалось прорваться в самодеструктивный поведенческий цикл – неважно, как вы это сделали, – вы достигли определенного успеха. Первым делом следует разорвать порочный круг ненависти к себе, саморазрушения и еще большей ненависти к себе из-за стыда за свое поведение. Хоть она и не ощущала ничего подобного, только представьте себе стыд и презрение, которые скорее всего вызывало у Белль ее падение. Направить этот процесс вспять – задача терапевта. Карен Хорни как-то сказала... Вы знакомы с работами Карен Хорни, Эрнест?

Жаль, но, судя по всему, такова судьба ведущих теоретиков в нашей области – наши учения актуальны лишь для одного поколения. Хорни была одним из моих любимых авторов. Пока учился, я перечитал все ее книги. Ее главной работе, «Невроз и развитие личности», больше пятидесяти лет, но это лучшая книга по терапии, какую только можно найти, – и ни одного жаргонного слова. Я пришлю вам свой экземпляр. У нее была фраза, может быть даже в этой книге, – простая, но мощная: «Если вы хотите гордиться собой, делайте то, что вызывает у вас гордость».

Я забыл, о чем я рассказывал. Напомните мне, Эрнест. Мои отношения с Белль? Разумеется, ведь именно ради этого мы сегодня и встретились? Они развивались во множестве различных плоскостей, но я знаю, что ваш комитет особенно заинтересован в физическом контакте. Белль с самого начала превратила это в проблему. Сейчас я взял за привычку касаться своих пациентов – как мужчин, так и женщин – на каждом сеансе; обычно это рукопожатие при прощании или, может быть, похлопывание по плечу. Но Белль не было до этого дела: она не подавала мне руки и отпускала разные шуточные замечания типа «А это рукопожатие было одобрено Американской психиатрической ассоциацией?» или «Не могли бы вы вести себя несколько более формально?».

Иногда в конце сеанса она обнимала меня – всегда по-дружески, без какого бы то ни было сексуального подтекста. На следующем сеансе она упрекала меня за мое поведение, излишнюю

формальность, за то, как я окаменел, когда она обняла меня. И это «окаменел» относится к моему телу, а не к моему члену, Эрнест, я видел, как вы на меня посмотрели. Из вас бы вышел классный игрок в покер. Мы еще не перешли к «клубничке». Я скажу вам, когда начнется самое интересное.

Она жаловалась на то, что я слишком большое значение придаю возрасту. Если бы я была умудренной опытом старухой, говорила она, то я бы, не раздумывая, обнял ее. Возможно, она была права. Физический контакт был особенно важен Белль. Она настаивала на том, чтобы мы прикасались друг к другу, причем постоянно. Давила, давила, давила. Без остановки. Но я могу это понять: Белль выросла в условиях тактильной депривации. Ее мать умерла, когда ей было несколько месяцев от роду, ее вырастили постоянно сменяющиеся швейцарские гувернантки. А отец! Представьте, каково расти с отцом, страдающим фобией микробов. Он никогда к ней не прикасался, всегда носил перчатки – и дома, и на улице. Слуги промывали и проглаживали всю его корреспонденцию.

Постепенно, где-то через год, я расслабился настолько – или размягчился настолько под непрекращающимся нажимом Белль, что начал заканчивать наши встречи авантюлярным объятием. Что такое «авантюлярным»? Это значит – «как дядя». Но, что бы я ей ни давал, она всегда требовала большего, обнимаясь со мной, постоянно пыталась поцеловать меня в щеку. Я всегда пытался убедить ее с уважением относиться к границам, а она всегда настаивала на активной борьбе с ними. Трудно сказать, сколько лекций было мной прочитано на эту тему, сколько статей и книг я дал ей.

Но она была, словно ребенок в теле женщины, – сногшибательном женском теле, – и ее стремление к контакту было непобедимо. Можно ли ей подвинуть стул чуть ближе? Не мог бы я несколько минут подержать ее за руку? Не могли бы мы сесть рядом на софу? Не мог бы я просто обнять ее и посидеть молча или прогуляться с ней, вместо того чтобы разговаривать?

Она была феноменально настойчива. «Сеймур, – говорила она, – ты столько говорил о создании новой терапии для каждого конкретного пациента, но все, что ты запомнил из своих статей, так это «как указано в официальном руководстве» и «пока это не нарушает покой терапевта среднего возраста». Она обвиняла меня в том, что я обращался за помощью к руководству АПА относительно границ в терапии. Она знала, что я был причастен к написанию этого руководства, так что она обвиняла меня в том, что я стал рабом собственных правил. Она критиковала меня за то, что не читал свои собственные статьи. «Вы такое большое значение придаете уникальности каждого пациента, после чего притворяетесь, что один-единственный набор правил подходит для работы с любым пациентом в любой ситуации». Она говорила, что «мы все свалены в одну кучу, как будто все пациенты одинаковы и лечить их нужно одинаково». А ее любимый аргумент звучал так: «Что важнее: соблюдать правила, не вылезать из теплого удобного кресла или же делать то, что лучше для пациента?»

Еще она любила пройтись по моей «защитной» тактике психотерапии. «Вы так боитесь, что на вас подадут в суд. Все вы, терапевты-гуманисты, трясетесь от страха перед законниками, но при этом вы призываете своих психически неполноценных пациентов хвататься за свободу обеими руками. Вы и вправду думаете, что я подам на вас в суд? Разве вы еще настолько плохо меня знаете, Сеймур? Вы спасаете мою жизнь. И я люблю вас!»

И знаете ли, Эрнест, она была права. Она поймала меня. Я действительно дрожал от страха. Я стоял на защите основных установок – даже в тех ситуациях, когда точно знал, что они антитерапевтичны. Я ставил свою робость, свои страхи о своей скромной карьере выше ее интересов. И в самом деле, если взглянуть на ситуацию непредвзято, в том, что я позволял ей сидеть рядом со мной, держать меня за руку, не было ничего плохого. На самом деле каждый раз, когда я позволял ей сделать это, нашей терапии это неизменно шло на пользу – она меньше защищалась, больше мне доверяла, получала лучший доступ к своему внутреннему миру.

Что? Существуют ли вообще устойчивые барьеры в терапии? Разумеется, существуют. Слушайте дальше, Эрнест. Моя проблема заключалась в том, что Белль готова была разнести в клочья любые границы – они действовали на нее как красная тряпка на быка. Стоило только мне поставить любую – любую – границу, она начинала выбивать из нее по кирпичику. Она стала носить обтягивающие платья, прозрачные блузки без лифчика. Когда я прокомментировал эту ситуацию, она высмеяла мое якобы викторианское отношение к телу. Она говорила, что я хочу прикинуться в самые интимные уголки ее сознания, но ее кожа, тело – ни-ни! Несколько раз она начинала жаловаться на уплотнение в груди и просила меня обследовать ее. Разумеется, я отказался. В конце концов секс со мной стал ее навязчивой идеей, и она часами упрашивала меня заняться с ней любовью хотя бы один-единственный раз. Один из ее аргументов звучал так: первое и последнее занятие сексом со мной снимет с нее это наваждение. Она поймет, что ничего особенного или волшебного в этом нет, и тогда она сможет спокойно думать и о других вещах в этой жизни.

Какие чувства вызывал во мне этот сексуальный крестовый поход против меня? Хороший вопрос, Эрнест, но разве он имеет отношение к нашему расследованию?

Вы не уверены? Может показаться, что в данной ситуации важно только то, что я сделал, – то, за что меня судят, а не то, что я думал, чувствовал. Суд Линча не принимает это во внимание! Но, если вы на пару минут выключите диктофон, я скажу вам. Можете считать это инструкцией. Вы читали у Рильке «Письма к молодому поэту»? Так вот, можете считать это письмом к юному терапевту.

Вот так, хорошо. Ручку тоже отложите, Эрнест. Положите ее на стол и просто послушайте меня. Вы хотите знать, как это действовало на меня? Красивая женщина, одержимая мной, которая каждый день мастурбирует, думая обо мне, умоляющая меня заняться с ней сексом, рассказывающая мне о своих фантазиях с моим участием – о том, как она размазывает по лицу мою сперму или добавляет ее в шоколадное печенье? И как, вы думаете, я себя при этом чувствовал? Посмотрите на меня! На костылях, все хуже передвигаюсь, уродлив – мое лицо сожрали морщины, мое тело дрябнет, разваливается на куски.

Я признаюсь в этом. Ничто человеческое мне не чуждо. Это начало заводит меня. Я думал о ней, одеваясь, в те дни, когда мы встречались с ней. Какую рубашку надеть? Она терпеть не могла широкие подтяжки – утверждала, что в них я выгляжу слишком самодовольным. Какой лучше использовать лосьон после бритья? «Royall Lume» нравился ей больше, чем «Mermen», и я никак не мог решить, на котором из них остановиться. В большинстве случаев я брызгался «Royall Lume». Однажды в своем теннисном клубе она встретила одного моего коллегу – тупица, страдающий нарциссизмом, который постоянно соперничал со мной. Она завела с ним разговор обо мне. Тот факт, что он имел какое-то отношение ко мне, подействовал на нее возбуждающе, и она тут же поехала к нему. Только представьте себе, этот простак ложится в постель с потрясающей женщиной, не зная, что это происходит благодаря мне. А я не могу сказать ему об этом. Я чуть не лопнул от смеха.

Но испытывать сильные чувства к пациенту – это одно, а вот дать им волю – это совсем другое. И я боролся с этим. Я постоянно занимался самоанализом, не раз консультировался с несколькими друзьями и пытался решить эту проблему во время наших сеансов. Снова и снова я говорил ей, что никогда, ни в коем случае я не буду заниматься с ней сексом и что если я сделаю это, то навсегда упаду в собственных глазах. Я убеждал ее, что хороший заботливый терапевт ей значительно нужнее, чем стареющий любовник-калека. Но я знал, как сильно ее тянет ко мне. Я говорил ей, что не хочу, чтобы она сидела рядом со мной, потому что физический контакт возбуждает меня и снижает мою эффективность в качестве терапевта. Я занимал авторитарную позицию, настаивая на том, что моя способность видеть ситуацию в перспективе развита намного лучше, чем ее, и что о терапии я знаю то, чего она пока знать не может.

Да, да, можете включить диктофон. Полагаю, я ответил на ваш вопрос относительно моих чувств. Итак, это продолжалось больше года, перемежаясь с прорывающимися симптомами. Она не раз срывалась, но в целом наши дела шли довольно хорошо. Я знал, что это ей не поможет. Я всего лишь «сдерживал» ее, обеспечивая сдерживающую среду, обеспечивая ей безопасность от сеанса к сеансу. Но понимал, что время уходит: она стала тревожной и выглядела уставшей.

А однажды она пришла совершенно изможденная. На улицах появилась какая-то новая, очень чистая дурь, и она сказала, что едва борется с желанием попробовать. «Я больше не могу жить этой жизнью, в которой встречаю одни лишь разочарования, – сказала она. – Я из кожи вон лезу, чтобы справиться с этим, но мой запас прочности подходит к концу. Я знаю себя, и я знаю, как я устроена. Вы спасаете мне жизнь, и я хочу работать с вами. Думаю, я способна на это. Но мне нужен стимул! Да, да, Сеймур, я знаю, что вы мне сейчас скажете, я уже наизусть все это знаю. Вы собираетесь начать убеждать меня, что у меня уже есть стимул, что мой стимул – это лучшая жизнь, лучшее отношение к себе и самочувствие, самоуважение, это жизнь без попыток убить себя. Но этого недостаточно. Это все слишком далеко. Слишком неопределенно. Мне нужно что-то, что я могу потрогать. Мне необходимо что-то вещественное!»

Я начал говорить что-то успокаивающее, но она оборвала меня. Ее отчаяние достигло пика, и она бросилась ко мне с отчаянной мольбой: «Сеймур, поработай со мной. По-моему. Умоляю тебя. Если я продержусь весь год пустая – ты понимаешь, о чем я, – без наркотиков, без рвоты, без историй в барах, без порезанных вен, безо всего такого – вознагради меня! Дай мне стимул! Обещай мне, что ты проведешь со мной неделю на Гавайях, и проведешь ее как мужчина с женщиной, а не как мозгоправ и психованная. Не надо улыбаться, Сеймур, я говорю серьезно – совершенно серьезно. Мне это необходимо. Сеймур, единственный раз ты можешь поставить мои потребности выше правил? Проработай это со мной».

Съездить с ней на неделю на Гавайи! Вы улыбаетесь, Эрнест; я тоже улыбался. Абсурд! Я поступил так, как, вероятно, поступили бы и вы: я высмеял эту идею. Я пытался отделаться от нее, как отделялся от всех ее предыдущих дурацких предложений. Но она не отказывалась от этой идеи. В ней появилась какая-то зловещая настойчивость. И принуждение. Она не собиралась так просто отказываться от этой своей идеи. Я не мог отвлечь ее от этой мысли. Когда я заявил, что об этом и речи быть не может, Белль начала торговаться: она увеличила период своего хорошего поведения с года до полутора лет, предложила Сан-Франциско вместо Гавайев, а неделю урезала сначала до пяти, потом и до четырех дней.

Я вдруг поймал себя на том, что между сеансами, сам того не желая, обдумываю предложение Белль. Я ничего не мог с этим поделать. Я проигрывал его в уме. Полтора года – восемнадцать месяцев – хорошего поведения? Это невозможно. Это абсурд. Этого ей никогда не добиться. Зачем мы вообще тратим время на обсуждение этой идеи?

Но предположим – просто в порядке эксперимента, уговаривал я себя, – что она действительно способна изменить свое поведение на целых восемнадцать месяцев. Попробуйте эту мысль на вкус, Эрнест. Подумайте об этом. Обдумайте такую возможность. Разве вам не кажется, что если эта импульсивная, склонная к срывам женщина способна взять себя под контроль, на целых восемнадцать месяцев сделать свое поведение более эгосинтоничным, отказаться от наркотиков, от вскрытия вен, от всех форм саморазрушения, то по истечении этого срока она уже не будет прежней?

Что? «Игры, в которые играют пациенты в пограничном состоянии?» Что вы сказали? Эрнест, вы никогда не сможете стать настоящим терапевтом, если будете так думать. Как раз об этом я говорил вам, когда рассказывал об опасностях диагностики. Есть границы, и есть пограничные состояния. Ярлыки – это насилие над людьми. Вылечить ярлык ты не можешь, тебе приходится лечить человека, на которого этот ярлык повешен. И снова я спрашиваю вас, Эрнест: согласились ли бы вы, чтобы этот человек – не этот ярлык, а эта Белль, существо из

плоти и крови, – претерпел радикальные внутренние изменения, чтобы она в течение восемнадцати месяцев вела себя принципиально иначе?

Вы бы на это не пошли? Не могу вас за это винить, принимая во внимание ваше положение на данный момент. И диктофон. Но просто ответьте себе на этот вопрос, не говорите ничего. Нет, позвольте мне ответить за вас: я не верю, что на этом свете можно найти терапевта, который бы не согласился с тем, что, если импульсивность перестанет определять поведение Белль, она станет совершенно иным человеком. У нее появятся другие ценности, другие приоритеты, сформируется другое видение мира. Она очнется, откроет глаза, увидит реальный мир, может, ей откроются ее красота и достоинство. И она увидит меня в другом свете, увидит таким, каким, наверное, видите меня вы: ковыляющий, покрывающийся плесенью старик. Когда она увидит реальность, ее эротический перенос, некрофилия пропадут, а с ними, разумеется, интерес в гавайском предприятии.

Что, простите? Буду ли я скучать по эротическому переносу? Расстроит ли меня его исчезновение? Конечно! Вне всякого сомнения! Мне нравится обожание. А кому не нравится? Разве вам – нет?

Да ладно вам, Эрнест! Неужели? Разве вы не получаете удовольствие от аплодисментов, которыми публика встречает окончание вашего доклада? Неужели вам не нравится, что люди, особенно женщины, толпятся вокруг вас?

Хорошо. Ценю вашу честность. Стыдиться здесь нечего. А кто этого не любит? Так уж мы устроены. Так что мне будет не хватать ее обожания, это будет тяжелая утрата. Но так это и происходит. Это моя работа: вернуть ее к реальной жизни, помочь ей вырасти, перерасти меня. Даже, господи спаси, забыть меня.

Итак, шли дни, недели, и предложенная Белль сделка все больше и больше интриговала меня. Она предлагала продержаться «пустой» восемнадцать месяцев. И, как вы помните, это было только начало торгов. Я умею вести переговоры, и я был уверен, что смогу увеличить срок, добиться более выгодных для себя условий, даже поставить новые. Полностью закрепить изменения. Я думал, какие условия я могу выдвинуть со своей стороны: возможно, стоит заставить ее пройти групповую психотерапию или же приложить максимум усилий и попытаться уговорить ее обратиться вместе с мужем к семейному терапевту.

День и ночь я думал над предложением Белль. Я просто не мог выкинуть эти мысли из головы. Я азартен, и в этой игре мои шансы на успех были поистине фантастическими. Если Белль проигрывает пари, если она срывается – возвращается к наркотикам, к рвоте, к охоте в барах, снова режет вены – то я ничего не теряю. Мы просто возвращаемся туда, откуда начали. Даже если у меня в распоряжении окажутся всего несколько недель или месяцев абстиненции, я смогу извлечь из этого пользу. А если Белль выиграет, она изменится настолько, что не станет требовать с меня свой приз. Это была верная игра. Нулевой риск при худшем раскладе, а при лучшем я имел все шансы спасти эту женщину.

Мне всегда нравились карточные игры с большими ставками, я играл на скачках, делал ставки на все, что угодно, – футбол, баскетбол. После школы я ушел на флот, и на деньги, выигранные там в покер, я жил на протяжении всей учебы в колледже. Когда я был интерном в Маунт-Синай в Нью-Йорке, большинство свободных ночей я проводил в отделении акушерства и гинекологии, где мы с дежурными акушерами с Парк-авеню играли на большие деньги. Прекрасные врачи – все до одного, но в покере полные профаны. Знаете, Эрнест, интернам тогда платили сущие гроши, так что к концу года все остальные интерны завязли в долгах по уши. А я? А я поехал к себе в Анн-Арбор на новеньком «De Soto» с откидным верхом – собственности акушеров с Парк-авеню.

Но вернемся к Белль. Несколько недель я раздумывал над ее предложением, а потом в один прекрасный день решился. Я сказал Белль, что понимаю ее потребность в стимулировании, и начал серьезные переговоры. Я настаивал на двух годах. Она была так благодарна мне

за то, что я принял ее всерьез, что согласилась на все мои условия, и мы быстро пришли к четкой, конкретной договоренности. Ее задача в этой сделке заключалась в том, чтобы в течение двух лет оставаться абсолютно пустой: никаких наркотиков (в том числе и алкоголя), никаких порезанных вен, рвоты, никаких случайных сексуальных партнеров, подцепленных в баре или на шоссе, а также других опасных сексуальных приключений. Ей разрешалось заводить цивилизованные романы. И никаких незаконных действий. Мне казалось, я учел все. А, да, еще она должна была начать посещать терапевтическую группу и пообещала вместе с мужем записаться на семейную психотерапию. Моя часть сделки предполагала уик-энд в Сан-Франциско. Все детали – отель, развлечения – я оставлял на ее усмотрение – карт-бланш. Я должен был быть весь к ее услугам.

Белль отнеслась к нашему договору крайне серьезно. По окончании переговоров она предложила скрепить его формальной клятвой. Она принесла Библию, и мы оба поклялись в том, что выполним свою часть контракта. После чего мы торжественно пожали друг другу руки в знак согласия.

Терапия шла своим ходом. Мы с Белль встречались где-то два раза в неделю. Лучше бы, конечно, три, но ее муж начал высказывать недовольство счетами за психотерапию. Белль держала слово, и нам не приходилось тратить время на анализ ее «срывов», терапевтический процесс ускорился и стал более глубоким. Сны, фантазии – все казалось более достигаемым. Впервые я увидел в ней проблески любопытства к самой себе. Она записалась в какой-то университет на курс углубленного изучения психопатологии и начала писать биографию, рассказывая о своем прошлом. Понемногу она вспоминала подробности событий своего детства, как она искала себе новую маму в веренице равнодушных гувернанток, большинство из которых не задерживались больше чем на несколько месяцев из-за фанатичной любви ее отца к чистоте и порядку. Его фобический страх перед микробами регулировал все аспекты ее жизни. Только представьте: до четырнадцати лет она не ходила в школу, находясь на домашнем обучении, потому что он боялся, что она принесет домой каких-нибудь микробов. Поэтому у нее было мало близких друзей. Ей редко удавалось даже перекусить с друзьями: отец запрещал Белль есть вне дома, а она ужасно стеснялась приглашать друзей к себе из-за отцовских причуд: перчатки, мытье рук перед каждой сменой блюд, проверка рук прислуги на чистоту. Ей не разрешалось брать почитать книги, а одну гувернантку отец уволил после того, как узнал, что она позволила Белль поменяться с подругой на день платьями. В четырнадцать ее детство и жизнь с отцом кончились: ее отправили в школу-пансионат в Гренобле. С тех пор она лишь изредка встречалась с отцом, который вскоре снова женился. Его новая жена была красивой женщиной, но бывшей проституткой. По крайней мере, так заявила ее тетушка – старая дева, которая сказала, что новая жена отца Белль – лишь одна из сотен шлюх, которые были у него за последние четырнадцать лет. Может быть, предположила Белль, и это была ее первая интерпретация за всю историю нашей терапии, он казался себе грязным, и вот почему он постоянно мылся и не позволял своей коже соприкоснуться с ее.

Тогда Белль заводила речь о нашей сделке только для того, чтобы сказать, как она мне благодарна. Она говорила, что это «самое мощное подтверждение» из всех, что она когда-либо получала. Она знала, что эта сделка – мой подарок ей, который, в отличие от тех «подарков», что доставались ей от других мозгоправов – слов, интерпретаций, обещаний, «терапевтического сопровождения» – был реальным, его можно было потрогать. Кожа к коже. Это было осязаемое доказательство того, что я полностью посвятил себя помощи ей. И доказательством моей любви. Никогда еще, говорила она, никогда раньше ее никто так не любил. Никто никогда не ставил ее интересы прежде своих, выше правил. Уж конечно, не ее отец, который ни разу не подал ей руки без перчатки и до самой своей смерти десять лет назад посылал ей на день рождения один и тот же подарок – пачку сто долларовых банкнот, по одной на каждый год ее жизни, но тщательно вымытых и проглаженных.

Сделка имела и другой смысл. Моя готовность поправить правила доставила ей удовольствие. Что ей больше всего во мне нравилось, так это, как она говорила, моя готовность идти на риск, открытый доступ к моей тени. «В тебе тоже есть что-то испорченное, темное, – говорила она мне. – Вот почему ты так хорошо меня понимаешь. Иногда мне кажется, что мы с тобой – братья по разуму».

Знаете, Эрнест, может быть, именно поэтому мы так быстро поладили: она сразу поняла, что я – именно тот терапевт, который ей нужен. Что-то непослушное в моем лице, некий огонек непочтительности в моих глазах. Белль была права. Она углядела это. Она была умной девочкой.

И знаете, я прекрасно понимал, что она хочет этим сказать, – прекрасно! Я точно так же замечаю подобное в других людях. Эрнест, будьте добры, буквально на секунду выключите диктофон. Вот так. Благодарю вас. Я просто хотел сказать, что вижу это в вас. Мы с вами, хоть и сидим по разные стороны этого помоста, этого судебного стола, мы чем-то похожи. Я уже говорил вам, что я хороший физиономист. И я редко ошибаюсь в таких вещах.

Нет? Да ладно вам! Вы знаете, о чем я! Неужели не поэтому вы слушаете мой рассказ с таким интересом? Я даже вижу в вас нечто большее, что просто интерес! Не будет ли преувеличением сказать, что эта история завораживает вас? У вас глаза как блюдца. Да, Эрнест, вы и я. Вы могли бы повести себя так же в этой ситуации. Вы бы тоже могли заключить эту фаустовскую сделку.

Вы качаете головой. А как же! Но я не к вашей голове обращаюсь. Я целюсь прямо в ваше сердце, и придет время, когда вы позволите себе понять, что я говорил вам. Более того, вы, может быть, увидите себя не только во мне, но и в Белль. Нас трое. И мы не так уж сильно отличаемся друг от друга! Ладно, хватит об этом, давайте вернемся к делу.

Подождите! Пока вы не включили свой диктофон, Эрнест, позвольте мне сказать вам еще кое-что. Как вы думаете, меня волнует комитет по этике? Что они могут сделать? Отнять у меня привилегии посещения клиники? Мне семьдесят, моя карьера окончена, и я прекрасно это понимаю. Так зачем я рассказываю вам все это? В надежде, что из этого выйдет какая-нибудь польза. В надежде, что вдруг вы позволите частичке меня проникнуть в вас, циркулировать в ваших венах, позвольте мне учить вас. Помните, Эрнест, я говорил о том, что у вас есть доступ к собственной Тени? Это положительное качество. Я хотел этим сказать, что у вас есть храбрость и широта духа, которые позволят вам стать великим терапевтом. Включите диктофон, Эрнест. Прошу вас, не отвечайте, в этом нет необходимости. В семьдесят лет ответы уже не нужны.

Итак, на чем мы остановились? Итак, прошел первый год, и состояние Белль явно улучшилось. Ни одного «срыва». Она была совершенно пуста. Теперь она меньше требовала от меня. Иногда она просила меня сесть рядом с ней, тогда я обнимал ее за плечи, и мы сидели так несколько минут. Это всегда помогало ей расслабиться и делало ее участие в терапевтическом процессе более продуктивным. В конце сеансов я, как и прежде, по-отечески обнимал ее, и она обычно в ответ оставляла на моей щеке сдержанный дочерний поцелуй. Ее муж отказался участвовать в семейной терапии, но согласился встретиться несколько раз с представителем «Христианской науки». Белль говорила, что их отношения начали налаживаться, и они оба, кажется, были довольны этим.

Прошло шестнадцать месяцев, и все было в порядке. Она не принимала героин, она вообще не принимала наркотики, не резала руки; не было приступов рвоты, булимии, самодеструктивного поведения в том или ином виде. Она заинтересовалась некоторыми нетрадиционными течениями: терапевтическая группа, специализирующаяся на прошлых жизнях, питание водорослями – все это типичная калифорнийская мишура, совершенно безвредная. Они с мужем возобновили сексуальные отношения, плюс она устроила небольшую интрижку с одним

моим коллегой. Она встретила этого остолопа-мозгоправа в теннисном клубе. Но, по крайней мере, это был безопасный секс, не сравнить с теми эскападами в барах и на шоссе.

Это был самый эффектный терапевтический переворот, который мне только доводилось видеть. Белль говорила, что она никогда не была так счастлива. Заклинаю вас, Эрнест, используйте ее в любом своем пост-исследовании. Эта пациентка будет звездой! Сравните результат, которого она добилась, с результатами любой антинаркотической терапии – рисперидон, прозак, паксил, эффектор, велбутрин... Да что я вам рассказываю. И все это в подметки не годится нашей терапии. Это самый мой лучший терапевтический курс, но я не могу написать об этом. Написать? Да я рассказать-то никому ничего не мог. До этого самого момента. Вы мой первый настоящий слушатель.

Где-то через полтора года наши сеансы начали проходить иначе. Сначала я ничего не замечал. Белль все чаще и чаще вставляла фразочки о нашем совместном уик-энде в Сан-Франциско, а потом стала говорить об этом во время каждой нашей встречи. Каждое утро она проводила лишний час в постели, погруженная в фантазии о том, каким он будет, этот уик-энд: как она будет спать в моих объятиях, звонить и заказывать завтрак в номер, ездить на ленч в Саусалито, а днем можно будет вздремнуть. В ее фантазиях мы были женаты, она ждала меня по вечерам. Она утверждала, что счастливо прожила бы остаток дней своих, если бы знала, что я вернусь к ней, домой. Ей не нужно было проводить со мной много времени, она согласилась бы и на роль второй жены, чтобы проводить со мной час-другой в неделю, – и с этим она могла бы жить долго и счастливо, в добром здравии.

Так что, как нетрудно себе представить, я уже начинал немножко нервничать. А потом нервничать сильнее. Я начал борьбу. Я изо всех сил старался заставить ее взглянуть в лицо реальности. Почти на каждом сеансе я вспоминал про свой возраст. Года через три-четыре я пересяду в инвалидную коляску. Через двадцать лет мне исполнится девяносто. Я спрашивал, сколько, по ее мнению, я еще проживу. Мужчины в моей семье умирают рано. Я уже пережил своего отца на пятнадцать лет. Она переживет меня, как минимум, на двадцать пять лет. В ее присутствии я даже делал вид, что моя неврология находится в значительно худшем состоянии. Однажды я симитировал приступ – вот до чего довело меня отчаяние. А у стариков мало сил, не уставал повторять я. В половине девятого я уже сплю, говорил я ей. Последний раз я смотрел десятичасовые новости пять лет назад. А еще у меня слабеет зрение, у меня бурсит плеч, расстройство пищеварения, простатит, метеоризм, запоры... Я даже подумываю приобрести слуховой аппарат.

Но я совершал ужасную ошибку. Я был на сто восемьдесят процентов не прав! Это лишь еще больше возбуждало ее. Она была одержима извращенной идеей о моей немощности и недееспособности. В ее фантазиях меня разбивал инфаркт, от меня уходила жена, а она перебиралась ко мне, чтобы взять на себя заботу обо мне. Одна из ее любимых фантазий заключалась в том, что она ухаживала за мной: заваривала мне чай, мыла меня, меняла постельное белье и пижамы, посыпала меня тальком, а потом раздевалась и, забравшись под прохладные простыни, ложилась рядом со мной.

Через двадцать месяцев улучшение состояния Белль стало еще более заметным. Она по собственной инициативе вступила в Ассоциацию анонимных наркоманов и посещала три собрания в неделю. В качестве волонтера она рассказывала девочкам-подросткам в школах гетто о контроле над рождаемостью и профилактике СПИДа, а в местном университете записалась на курс MBA⁶. Что вы сказали, Эрнест? Откуда я знал, что она говорит мне правду? Знаете, Эрнест, я никогда не сомневался в ее искренности. Я знал, что она не подарок, но ее честность, по крайней мере в отношениях со мной, казалась чуть ли не компульсивной. В самом

⁶ Master of Business Administration. Мастер делового администрирования, программа подготовки менеджеров высшего управленческого звена.

начале нашей совместной работы – кажется, я уже говорил об этом – мы заключили договор о взаимной и абсолютной честности. Пару раз в течение первых недель терапии она замалчивала некоторые совсем уж неприглядные эпизоды из ее сексуальных походов, но скрыть их до конца она так не сумела. Она начинала сходить с ума, была уверена, что я способен читать ее мысли и откажусь с ней работать. Каждый раз она даже не могла дождаться следующего сеанса, чтобы признаться мне в этом, и звонила мне по телефону, однажды даже за полночь.

Но это хороший вопрос. Слишком многое стояло на кону, чтобы просто принять ее слова за чистую монету, поэтому я сделал то, что сделали бы вы: я проверил все, что мог. Тогда я пару раз встречался с ее мужем. Он отказался от терапии, но предложил поучаствовать в наших сеансах, чтобы ускорить ее выздоровление. И сделал все, что обещал. Он даже разрешил мне встретиться с представителем «Христианской науки», женщиной, которая, как ни забавно, получила степень доктора философии в клинической психологии и читала мою книгу. Она также подтвердила историю Белль: упорно работает над проблемами брака, не режет себе руки, не употребляет наркотики, занимается добровольной общественной деятельностью.

А как бы вы поступили в подобной ситуации, Эрнест? Что? Вы бы вообще в ней не оказались? Да, да, я знаю. Самый простой ответ. Вы разочаровали меня, Эрнест. Скажите мне, Эрнест, если бы вы не были здесь, где бы вы были? В своей лаборатории? Или в библиотеке? Вы были бы в безопасности. Вам было бы хорошо и комфортно. А где был бы пациент? На том свете, вот где! Вы такой же, как те двадцать терапевтов, что лечили Белль до меня, – все они выбрали этот безопасный маршрут. Но я терапевт другого типа. Я спаситель потерянных душ. Я против отказов от пациентов. Я сверну себе шею, выжму из себя все соки, я пойду на все, чтобы вытащить пациента, спасти его. И так я поступал на протяжении всей своей терапевтической карьеры. Знаете, какая у меня репутация? Спросите у людей. Спросите у своего председателя. Он-то знает. Он отправил ко мне десятки пациентов. Я – последняя надежда терапии. Терапевты передают мне пациентов, с которыми они уже бессильны что-либо сделать. Киваете? Вы слышали обо мне? Это хорошо. Хорошо, что вы знаете, что я не просто какой-то там слабоумный маразматик.

Так что попытайтесь встать на мое место! Что мне оставалось делать? Я начал нервничать. Я перепробовал все: интерпретировал как сумасшедший, словно от этого зависела вся моя жизнь. Я интерпретировал все, что движется.

К тому же меня начали раздражать ее иллюзии. Например, ее сумасшедшая мечта о том, что мы поженимся и она всю свою жизнь, неделю за неделей, будет в непреходящем воодушевлении ждать меня, чтобы провести вместе час-другой. «Что это за жизнь и что это за отношения?» – спросил я. Это не взаимоотношения, это шаманизм какой-то. Только представьте себя на моем месте. Я думал: и что, по ее мнению, я буду иметь при таком раскладе? Вылечу ее часом своего присутствия? Это невозможно. Разве это связь? Нет! Мы оба общались с воображаемыми, нереальными образами. Она возвела меня в статус иконы. У нее была навязчивая идея – сделать мне минет и проглотить мою сперму. То же самое. Нереально. Она чувствовала пустоту внутри себя и хотела, чтобы я наполнил ее своей спермой. Неужели она не понимала, что делает? Неужели не понимала, что нельзя обращаться с символами так, словно они были конкретной реальностью? Интересно, сколько времени потребовалось бы, по ее расчетам, чтобы мои плевочки спермы наполнили ее? За несколько минут соляная кислота в ее желудке превратила бы их в разрозненные кусочки цепи ДНК.

Белль мрачно кивала, выслушивая бурный поток моих интерпретаций. Ее попечитель из Ассоциации анонимных наркоманов научил ее вязать, и в последние недели она трудилась над украшенным витым орнаментом свитером, который я должен буду носить во время нашего совместного уик-энда. Я никак не мог переубедить ее. Да, она соглашалась, что тратит свою жизнь на пустые фантазии. Возможно, она действительно пытается найти архетип мудрого старика. Но неужели это так плохо? Помимо программы МВА она слушала курс антропологии

и читала «Золотую ветвь»⁷. Она напомнила мне, что большая часть человечества живет, принимая такие иррациональные понятия, как тотем, реинкарнация, рай и ад, а также целебный эффект терапевтического переноса и обожествление Фрейда. «Что работает, то работает, – сказала она, – а мысль о том, что мы проведем уик-энд вместе, работает. Это было лучшее время в моей жизни; мне кажется, что мы женаты. Словно я жду тебя и знаю, что скоро ты вернешься домой, ко мне; это придает мне сил, это наполняет смыслом мою жизнь». И вернулась к своему вязанию. Этот чертов свитер! Мне так хотелось вырвать его у нее!

Когда мы перевалили за двадцать два месяца, я начал бить панику. Я потерял самообладание, я пытался добиться своего мольбами, лестью, лаской. Я читал ей лекции о любви. «Ты говоришь, что любишь меня, но любовь – это связь, это отношения, любовь – это забота о партнере, забота о его росте, о самом его существовании. Ты когда-нибудь заботилась обо мне? Ты когда-нибудь задумывалась над тем, что я чувствую? Ты когда-нибудь думала о том, что меня терзает чувство вины, что мне страшно? Задумывалась ли ты, как влияет на мое чувство собственного достоинства мысль о том, что я поступаю неэтично? Или о том, как это скажется на моей репутации? О том, что под угрозой окажется не только мое профессиональное реноме, но и мой брак?»

«Сколько раз, – ответила Белль, – ты напоминал мне, что мы – два индивида, вступившие в межличностный контакт, – ни больше ни меньше? Ты просил меня верить тебе, и я поверила тебе – поверила первый раз за всю свою жизнь. Поверь теперь ты мне. Это будет нашим секретом. Я унесу его с собой в могилу. Что бы ни случилось. Никогда! Что касается чувства собственного достоинства, чувства вины и профессионального реноме... что может быть важнее того факта, что ты лекарь, что ты лечишь меня? Неужели для тебя важнее правила, репутация, этика?» Вы бы смогли на это ответить, Эрнест? Я не смог.

Иногда она делала тонкие, но зловещие намеки на возможность того, что я сбегу, не уплатив по счетам, и не выполню условия нашего соглашения. Она жила в ожидании этого уик-энда два года вместе со мной. Сумеет ли она снова поверить кому-нибудь в этой жизни? Терапевту? Да кому угодно! У меня будут причины чувствовать себя виноватым, сообщила она мне. Ей и не надо было ничего мне объяснять. Я прекрасно понимал, чем будет для нее мое предательство. Более двух лет у нее не было само деструктивных симптомов, но я не сомневался в том, что она не разучилась это делать. Говоря без обиняков, если бы я не выполнил данное Белль обещание, она покончила бы с собой. Я все еще пытался выбраться из этой западни, но крылышки мои дергались все слабее и слабее.

«Мне семьдесят, тебе тридцать четыре, – говорил я ей. – Мы с тобой в одной постели – в этом есть что-то противоестественное».

«Чаплин, Киссинджер, Пикассо, Гумберт Гумберт и Лолита», – ответила она, не удосужившись даже оторваться от своего вязания.

«Ты доводишь ситуацию до абсурда, – говорил я ей. – Все это так раздуто, так преувеличенно, так далеко от реальности. Этот уик-энд не может не разочаровать тебя, он похоронит твои мечты».

«Разочарование – лучшее, что может произойти, – ответила она, – ты же понимаешь. Кончится моя одержимость тобой, исчезнет, как ты выражаешься, «эротический перенос». А это призовое очко в нашей терапии».

Я продолжал подлизываться к ней. «Кроме того, в моем возрасте потенция угасает».

«Сеймур, – ворчала она. – Ты меня удивляешь. Неужели ты все еще не понял, неужели ты все еще не уяснил для себя, что меня не интересует твоя потенция, мне не так важен секс с тобой? Единственное, что мне нужно, – это чтобы ты был рядом, обнимал меня – как человека, как женщину. Не как пациента. К тому же, Сеймур, – с этими словами она подняла к

⁷ Книга известного антрополога Джеймса Фрезера. – *Прим. ред.*

лицу наполовину связанный свитер, бросила на меня застенчивый взгляд и произнесла: – Я собираюсь устроить тебе лучший секс в твоей жизни!»

А потом время вышло. Прошло двадцать четыре месяца, и мне не оставалось ничего, кроме как заплатить по счетам. Если я не сделаю это, последствия будут катастрофическими. С другой стороны, если я сдержу слово? Кто знает? Может, она права и это действительно разрушит наваждение? К тому же в отсутствие эротического переноса освободившаяся энергия будет направлена на ее мужа, она сможет лучше к нему относиться. Она сохранит веру в терапию. Через пару лет я уйду на покой, и она перейдет к другому терапевту. Может, уик-энд с Белль в Сан-Франциско станет актом высшей терапевтической агапэ⁸.

Что, Эрнест? Мой контрперенос? С вами было бы то же самое: он нарастал в бешеном темпе. Я пытался не позволить ему повлиять на мое решение. Я не позволял контр-переносу контролировать свои действия. Я был уверен, что у меня не было иного разумного выбора. И я до сих пор придерживаюсь этого мнения – даже в свете дальнейших событий. Но признаюсь вам честно: эта идея захватила меня. Вот он я, старик, стоящий одной ногой в могиле. Коровые нейроны мозжечка вымирают, зрение падает, сексуальная жизнь не существует в принципе – у моей жены отлично получалось бросать, вот и заниматься сексом она бросила давным-давно. Что я чувствовал к Белль? Не буду отрицать: я обожал ее. Когда она сказала, что собирается устроить мне лучший секс в моей жизни, я услышал, как мои изношенные гонадные⁹ механизмы завелись и с треском заработали. Но я хочу сказать вам – и вот этому диктофону, – причем сказать так, чтобы это прозвучало максимально убедительно: не этот фактор заставил меня пойти до конца! Вам и вашему комитету по этике, наверное, нет до этого дела, но для меня это вопрос жизни и смерти. Я не нарушил договор с Белль. Я не нарушил ни единой договоренности с любым другим моим пациентом. Я никогда не ставил свои потребности выше их.

Чем кончилась эта история? Думаю, остальное вам известно. Все здесь, в вашей карте. Мы с Белль встретились в Сан-Франциско утром с субботы, позавтракали в «Mamas» на Норт Бич, и расстались только вечером в воскресенье. Мы решили сказать нашим супругам, что я назначил на выходные группу-марафон для своих пациентов. Раз или два в год я провожу такие групповые сеансы для десяти-двенадцати пациентов. Белль даже посетила один из них в первый год терапии.

Вы когда-нибудь вели такую группу, Эрнест? Нет? Поверьте мне, это мощное оружие... здорово ускоряет терапию. Вы должны знать, что это такое. Когда мы с вами в следующий раз встретимся – а я уверен, что мы обязательно встретимся, но на этот раз уже в других обстоятельствах, – я подробно вам о них расскажу. Я вел их тридцать пять лет.

Но вернемся к этому уик-энду. Нечестно было бы столько рассказать вам и утаить кульминацию. Посмотрим, что я могу вам сказать... Что я хочу вам сказать. Я пытался сохранить достоинство, я пытался остаться в роли терапевта, но продержался я недолго. Белль позаботилась об этом. Она взялась за меня, как только мы поселились в «Фейрмонте», и скоро, очень скоро мы уже были просто мужчиной и женщиной, и все, о чем говорила Белль, сбылось.

Не буду лгать вам, Эрнест. Я наслаждался каждой минутой этого уик-энда, большую часть которого мы провели в постели. Я боялся, что все мое хозяйство проржавело за долгие годы бездействия, но Белль была мастером в этом деле – там нажать, там потянуть, и все работает.

Три года я упрекал Белль за жизнь в мире иллюзий и навязывал ей свою реальность. Теперь на два дня я вошел в ее мир и увидел, что жизнь в волшебном царстве не так уж и плоха.

⁸ Разновидность любви, ее наивысший, истинно альтруистичный вид. В отличие, например, от эроса (эротической любви) агапэ обладает жертвенным характером, в том смысле, что человек жертвует собой, отдает все свои силы, всего себя. Агапэ создает условия для формирования совершенных взаимоотношений.

⁹ Относящиеся к половым железам. – *Прим. ред.*

Она была моим молодильным зельем. Час за часом я становился все моложе, все сильнее. Я лучше ходил, я обманул свой желудок, я казался выше и стройнее. Мне хотелось рычать! И Белль это заметила: «Именно это и было тебе нужно, Сеймур. Именно это – и только это я хотела от тебя – обнимать меня, позволить мне обнимать тебя, подарить тебе мою любовь. Пойми, я полюбила в первый раз в своей жизни! Неужели это так ужасно?»

Она много плакала. Вместе со всеми другими каналами у меня открылись и слезные, так что я плакал вместе с ней. Я так много получил от нее за эти два дня. Будучи терапевтом, я всегда давал, и первый раз я получил отдачу – самую настоящую отдачу. Словно она расплатилась со мной за всех пациентов, с которыми я когда-либо работал.

А потом мы вернулись в реальность. Уик-энд закончился. Мы с Белль вернулись к нашим сеансам два раза в неделю. Я и представить себе не мог, что проиграю это пари, поэтому не планировал, как я буду строить терапию после этого уик-энда. Я пытался работать как обычно, но через пару сеансов столкнулся с проблемой. С серьезной проблемой. Любовники не могут вернуться к формальным отношениям. Несмотря на все мои усилия, любовные игры заменили собой серьезную терапевтическую работу. Иногда Белль требовала взять ее на колени. Она постоянно обнимала меня, ласкала, трогала. Я пытался осадить ее, я пытался быть серьезным, блюсти профессиональную этику, но давайте посмотрим правде в глаза – это уже была не терапия.

Я объявил остановку и торжественно объявил, что у нас есть два пути: либо мы возвращаемся к серьезной работе, что предполагало возвращение к несексуальным и более традиционным отношениям, либо мы прекращаем притворяться, что занимаемся психотерапией, и пытаемся построить исключительно социальные отношения. А «социальные» не означало сексуальные: я не хотел усложнять ситуацию. Как я уже говорил, я участвовал в написании директивы, запрещающей посттерапевтические сексуальные отношения между терапевтом и пациентом. Я также сообщил ей, что в связи с тем, что мы больше не занимаемся терапией, денег я с нее не возьму.

Ни один из этих вариантов Белль не устраивал. Возвращение к терапевтической формальности казалось фарсом. Согласитесь, кабинет психотерапевта – не самое удачное место для игр. А не играть в эти игры стало невозможно. Ее муж перенес офис домой и теперь постоянно находился там. Как она объяснит ему, куда уходит на два часа каждую неделю, если не будет регулярно выписывать чеки на психотерапию?

Белль упрекала меня за узкое понимание психотерапии. «Наши встречи – интимные, игривые, полные прикосновений, и любовь, настоящая любовь, которой мы занимаемся иногда на этой кушетке, – это и есть психотерапия. Причем качественная психотерапия. Почему ты не видишь этого, Сеймур? – спрашивала она меня. – Неужели эффективная терапия – плохая терапия? Неужели ты забыл, с каким пафосом рассказывал мне про «один важный вопрос в психотерапии»? Работает ли это? Разве в моем случае терапия не работает? Разве мое состояние ухудшается? Я не употребляю наркотики. Никаких симптомов. Заканчиваю аспирантуру. Я начинаю новую жизнь. Благодаря тебе, Сеймур, я изменилась, и все, что от тебя сейчас требуется, – это, как и раньше, проводить со мной два часа близости в неделю».

Белль была умной девочкой. И становилась все умнее и умнее. Я не мог представить ей контраргумент, доказать, что терапия была некачественной.

Но я знал, что это так. Мне слишком нравились наши отношения. Постепенно я начинал понимать, что я пропал, – но я слишком долго шел к этому пониманию. Любой, кто увидел бы нас, пришел бы к выводу, что я пользуюсь переносом и использую пациентку в свое собственное удовольствие. Или принял бы меня за высокооплачиваемого жиголо пенсионного возраста!

Я не знал, что делать. Разумеется, мне не к кому было обратиться за советом. Я знал, что они могут мне посоветовать, а такие проблемы были мне не нужны. Опять же, я не мог передать ее другому терапевту – она не согласилась бы. Но, честно говоря, я не особенно-то и настаивал

вал. Я очень беспокоился. Правильно ли я поступил с ней? Я не спал несколько ночей, представлял себе, как она рассказывает про нас другому терапевту. Знаете, как терапевты любят пообсуждать между собой странности своих предшественников. Так что свежие сплетни про Сеймура Троттера – с пылу с жару – придутся им по вкусу. Но я не мог попросить ее защитить меня – если она будет хранить наши отношения в тайне, работа с другим терапевтом окажется саботированной.

Да, я был настороже, но, как бы то ни было, я и представить себе не мог, какая буря ждет меня впереди. Я оказался совершенно к ней не подготовлен. Однажды вечером я вернулся домой. Свет не горел, жены не было, зато на входной двери пришпилены четыре фотографии: на одной мы с Белль стоим перед регистрационной стойкой отеля «Фейрмонт», на другой мы с ней с чемоданами в руках заходим вместе в наш номер, на третьей был крупный план регистрационного бланка отеля: Белль записала нас как доктора и миссис Сеймур. На четвертой мы с ней обнимаемся на фоне живописного моста Голден-Гейт.

На кухонном столе меня ждали два письма. В первом муж Белль предлагал моей жене ознакомиться с четырьмя фотографиями, которые могут ее заинтересовать. Она сможет своими глазами увидеть, каким конкретно способом ее муж лечит его жену. Он писал, что такое же письмо отправил в государственную комиссию по медицинской этике, а в конце начинались грязные угрозы: если я еще раз увижу Белль, то судебное разбирательство станет самой незначительной проблемой для семьи Троттер. Второе письмо было от моей жены – короткое и по сути. Она просила меня не затруднять себя объяснениями. Пообщаться я смогу с ее адвокатом. Она давала мне двадцать четыре часа на то, чтобы собрать вещи и освободить дом.

Вот мы и дошли до настоящего момента, Эрнест. Что еще я могу рассказать вам?

Как у него оказались эти фотографии? Вероятно, он нанял частного детектива, чтобы следить за нами. Какой парадокс – муж Белль решил бросить ее как раз тогда, когда она вылезлась! Но кто знает? Может, он уже давно хотел сделать это. Может, Белль просто высосала из него все соки.

Я больше никогда не видел Белль. Разве что старый приятель из клиники Пасифик Редвуд рассказал мне, какие слухи о ней ходят, – и, скажу я вам, не самые хорошие слухи. Муж развелся с ней и уехал из страны, прихватив все семейные сбережения. Он уже давно подозревал Белль в измене – с тех пор, как нашел презервативы в ее сумочке. Очередная злая шутка судьбы: в результате терапии ее фатальная самодеструктивность была взята под контроль, и она начала пользоваться презервативами.

Последнее, что я слышал: Белль сейчас в ужасном состоянии – все наши труды пошли прахом. Вся старая патология вернулась: две госпитализации после попыток самоубийства – сначала она вскрыла вены, потом была сильная передозировка. Она собирается убить себя. Я это знаю. Она обращалась к трем терапевтам, соблазнила всех троих, отказывается от дальнейшей терапии и снова принимает сильные наркотики.

А знаете, что самое страшное? Я знаю, что мог бы помочь ей, даже сейчас. Я уверен в этом, но суд запретил мне встречаться с ней, говорить с ней под угрозой строгого наказания. Она звонила мне несколько раз, но мой адвокат сообщил мне, что я нахожусь в крайне опасном положении, и если я не хочу оказаться в тюрьме, то мне лучше не отвечать Белль. С ней связался мой адвокат и сообщил, что я не имею права общаться с ней по предписанию суда. В конце концов она перестала звонить мне.

Что я собираюсь делать? Вы имеете в виду, с Белль? Сложный вопрос. Невозможность отвечать на ее звонки убивает меня, но я не люблю тюрьмы. Я знаю, что десяти-минутного разговора мне хватило бы, чтобы помочь ей. Даже сейчас. Не для записи – выключите свой диктофон, Эрнест. Не уверен, что я смогу вот так просто позволить ей умереть. Не уверен, что я смогу простить себе это.

Так что, Эрнест, вот и вся история. Finish. Честно скажу, не так я хотел закончить свою карьеру. Белль – главная героиня этой трагедии, но и для меня эта история обернулась катастрофой. Ее адвокаты требуют, чтобы она потребовала возмещения ущерба и вытрясла из меня все, что сможет. Они с ума сойдут от жадности: разбирательство по случаю злоупотребления служебным положением начинается через пару месяцев.

Подавлен! Разумеется, я подавлен. А как же? Я называю это оправданной депрессией: я жалкий печальный старик. Раздавленный, одинокий, сомневающийся в себе, доживающий свои дни в позоре.

Нет, Эрнест, с этой депрессией лекарства не справятся. Это другой случай. Биологические маркеры отсутствуют: нет ни психомоторных симптомов, ни бессонницы, ни потери веса – ничего подобного. Спасибо за предложение.

Нет, у меня нет суицидальных импульсов, хотя я и говорил, что погружаюсь в темноту. Но я выживу. Я уползу в чулан и буду зализывать там свои раны.

Да, я чувствую себя очень одиноким. Мы с женой прожили вместе много лет, привыкли друг к другу. Работа всегда была для меня на первом месте, а супружеская жизнь уходила на второй план. Жена говорила, что мою потребность в близости в полной мере удовлетворяют пациенты. И была права. Но не поэтому она ушла. Атаксия прогрессирует, и я не думаю, что перспектива ухаживать за мной до конца моих дней улыбалась ей. Сдается мне, она с радостью ухватилась за возможность отделаться от меня. И я не могу винить ее за это.

Нет, я не нуждаюсь в терапевтической помощи. Я же говорю, у меня нет клинических проявлений депрессии. Благодарю за предложение, Эрнест, но из меня вышел бы сварливый, придирчивый пациент. Так что, как я уже говорил, я сам зализываю свои раны, и у меня отлично это получается.

Нет, я не имею ничего против. Можете звонить, я расскажу вам, как идут дела. Тронут вашим предложением, Эрнест. Но не стоит беспокоиться. Я крепкий орешек, поверьте мне. Со мной все будет в порядке».

С этими словами Сеймур Троттер взял трости и вышел, ковыляя, из комнаты. Эрнест сидел неподвижно, слушая, как в диктофоне заканчивается пленка.

Когда Эрнест позвонил доктору Троттеру через пару недель, тот снова заверил его, что не нуждается в помощи. Через несколько минут ему удалось перевести разговор на будущее Эрнеста: Сеймур снова принялся убеждать Эрнеста, что, каким бы одаренным психофармакологом он ни был, его призвание в другом: Эрнест – прирожденный психотерапевт, он просто обязан следовать зову судьбы. Он предложил Эрнесту обсудить этот вопрос за ленчем, но тот отказался.

«Простите, не подумал. – В голосе доктора Троттера не было и следа иронии. – Извините меня. Сначала я рекомендую сменить поле деятельности, а потом тут же предлагаю скомпрометировать себя, поставить под угрозу будущую карьеру появлением со мной на людях».

«Нет, Сеймур. – Эрнест первый раз назвал его по имени. – Причина вовсе не в этом. Дело в том – и мне стыдно говорить вам об этом, – что я уже пообещал быть экспертным свидетелем на разбирательстве вашего дела по злоупотреблению служебным положением».

«Вам нечего стыдиться. Это ваш долг. На вашем месте я поступил бы точно так же. Наше положение настолько уязвимо, опасности подстерегают нас повсюду. Наш долг – защищать профессию, поддерживать стандарты на высоком уровне. Даже если вы не поверили ни единому моему слову, поверьте хотя бы в то, что я высоко ценю эту работу. Я посвятил психотерапии всю свою жизнь. Вот почему я рассказал вам свою историю во всех подробностях, – я хотел, чтобы вы знали, что это не история о предательстве. Я действовал из благих побуждений. Знаю, это кажется абсурдным, но даже сейчас я думаю, что поступил правильно. Иногда судьба ставит нас в такие ситуации, где поступить правильно – значит ошибиться. Я никогда

не предавал ни свою профессию, ни пациентов. Что бы ни уготовило нам будущее, поверьте мне, Эрнест. Я верю в то, что сделал: я никогда не предаю пациента».

Эрнест дал показания в суде. Адвокат Сеймура Троттера обратил внимание на преклонный возраст своего клиента, его угасающие умственные способности и немощь, применил новую, отчаянную тактику защиты: он заявил, что жертвой является не Белль, а Сеймур. Но случай был безнадежен, и Белль выиграла два миллиона долларов – максимальный штраф за злоупотребление служебным положением. Ее адвокаты выжали бы и больше, но проку от этого было бы мало: после развода и оплаты судебных издержек карманы Сеймура опустели.

Так закончилась история Сеймура Троттера. Почти сразу после суда он тихо покинул город, и никто никогда больше о нем не слышал, за исключением Эрнеста, который год спустя получил от него письмо (без обратного адреса).

До прихода первого пациента оставалось несколько минут. Но Эрнест не смог удержаться и еще раз перечитал последнее послание от Сеймура Троттера.

Дорогой Эрнест,

В те дьявольские времена охоты на ведьм только вы проявили заботу обо мне. Благодарю вас за эту поддержку. У меня все хорошо. Я пропал и не хочу, чтобы меня нашли. Я многим вам обязан – свидетельством тому это письмо и эта фотография, где я и Белль. Кстати, на заднем плане – дом Белль: ей досталась солидная сумма.

СЕЙМУР.

Эрнест в очередной раз посмотрел на выцветшую фотографию. На усыпанной пальмами полянке в инвалидном кресле сидит Сеймур. Белль стоит сзади, несчастная и изможденная, руки сжимают рукоятки кресла. Голова опущена. Позади нее – изящный колониальный домик, за которым зеленеют сверкающие волны тропического моря. Сеймур улыбается – широкой бестолковой кривой улыбкой. Одной рукой он держится за поручень кресла, а вторая, с костылем, победоносно указывает в небо.

Эта фотография всегда вызывала у него непонятное недомогание. Он вглядывался в изображение, пытаясь проникнуть внутрь, пытаясь найти подсказку, понять, что же действительно случилось с Сеймуром и Белль. Ключ к разгадке он искал в глазах Белль. Взгляд ее был грустным, даже подавленным. Почему? Она получила то, что хотела, так ведь? Он поднес фотографию к глазам и попытался поймать взгляд Белль. Но она всегда смотрела в сторону.

Глава 1

Последние пять лет три дня в неделю Джастин Астрид начинал свой день с визита к доктору Эрнесту Лэшу. Сегодняшнее утро началось точно так же, как и семьсот предыдущих: в 7.50 утра он вошел в здание в викторианском стиле на Сакраменто-стрит, выкрашенное в приятные глазу розовато-лиловый и красновато-коричневый цвета, миновал вестибюль, поднялся на второй этаж, вошел в слабо освещенную приемную Эрнеста Лэша, пропитанную густым, насыщенным ароматом жаркого по-итальянски. Джастин вдохнул аппетитный аромат, налил себе кофе в чашку японского фарфора, вручную расписанную орнаментом из плодов хурмы, сел на жесткий зеленый диван и открыл спортивный раздел «Сан-Франциско кроникл».

Но Джастин не мог читать о вчерашнем бейсбольном матче. Не сегодня. Произошло кое-что очень важное, так что и обстановка требовалась торжественная. Он закрыл газету и устался на дверь кабинета Эрнеста.

Ровно в восемь утра Эрнест убрал папку Сеймура Троттера в картотеку, пролистал карту Джастина, прибрался на столе, сунул газету в ящик стола, спрятал кофейную чашку, встал и, перед тем как открыть дверь, обернулся и оглядел кабинет. Никаких следов обитания человека. Хорошо.

Он открыл дверь, и пару мгновений мужчины смотрели друг на друга. Лекарь и пациент. Джастин с «Кроникл» в руке, газета Эрнеста спрятана в глубине ящика стола. Джастин в темно-синем костюме и итальянском шелковом полосатом галстуке. Эрнест в темно-синем блейзере и цветастом галстуке от Либерти. У обоих около пятнадцати фунтов лишнего веса, у Джастина они ушли в подбородки и щеки, а у Эрнеста – в переваливающийся через брючный ремень живот. Джастин носил закрученные вверх, тянущиеся к носу усы. Ухоженная борода Эрнеста была самой опрятной чертой его внешности. На живом, подвижном лице Джастина выделялись тревожные, бегающие глазки. Эрнест носил тяжелые круглые очки и мог долгое время не моргать.

«Я ушел от жены, – сказал Джастин, устроившись на своем стуле. – Вчера вечером. Просто взял и ушел. Провел ночь с Лаурой». Он произнес все это спокойным, бесстрастным голосом, после чего замолчал и уставился на Эрнеста.

«Вот так просто?» – тихо спросил Эрнест.

«Вот так просто, – улыбнулся Джастин. – Когда я понимаю, что нужно делать, я время зря не теряю».

Последние несколько месяцев юмор прочно обосновался в их разговорах. Обычно Эрнест это только приветствовал. Его супервизор, Маршал Стрейдер, говорил, что появление в терапии шуточных эпизодов – хороший знак.

Но Эрнест не шутил, когда говорил «вот так просто». Заявление Джастина ввергло его в полное смятение. Он был взбешен! Пять лет он лечил Джастина – пять лет рвал жилы, пытаясь помочь ему бросить жену. А сегодня он между прочим сообщает ему, что ушел от нее.

Эрнест вспомнил первый сеанс Джастина и первые его слова: «Помогите мне развестись!» Несколько месяцев Эрнест тщательно исследовал ситуацию. И в конце концов пришел к выводу: Джастин должен развестись. Это был один из самых нездоровых браков, которые Эрнесту доводилось видеть. И потом, за пять лет Эрнест испробовал все известные ему психотерапевтические методики, чтобы помочь Джастину вырваться из этого ада. Ничего не получилось.

Эрнест был упрямым терапевтом. Никто никогда не мог упрекнуть его в том, что он работает вполсилы. Большинство коллег считали его слишком активным, слишком амбициозным в терапии. Супервизор постоянно пытался осадить своего подопечного: «Тпру, ковбой, помедленнее на поворотах! Подготовь почву. Ты не можешь заставить человека измениться».

Но в конце концов даже Эрнесту пришлось признать свое поражение. Ему всегда нравился Джастин, он не переставал надеяться, что его жизнь когда-нибудь переменится к лучшему, но со временем Эрнест уверился в том, что он никогда не сможет бросить жену, что ему так никогда и не удастся сдвинуть его с места, – слишком глубоко разрослись корни, и Джастин так и будет мучаться с опостылевшей женой до конца дней своих.

Эрнест начал ставить перед Джастином более скромные терапевтические цели: по возможности усовершенствовать неудачный брак, достичь большей самостоятельности в профессиональной деятельности, развить лучшие коммуникативные способности. Эрнест мог справиться с этим не хуже, чем любой другой терапевт. Но ему было скучно. Терапия становилась все более предсказуемой; не происходило ничего неожиданного. Эрнест скрипел зубами и старался не уснуть, прячась за стеклами очков. Он перестал обсуждать Джастина со своим супервизором. Он уже подумывал предложить Джастину перейти к другому терапевту и представлял его реакцию.

И вот сегодня Джастин приходит и беспечно бросает, что бросил жену.

Эрнест, пытаясь скрыть бушующие эмоции, вытащил из коробки салфетку и начал протирать стекла очков.

«Расскажите мне об этом, Джастин».

Плохой ход. Он сразу это понял. Он надел очки и сделал в блокноте пометку: «Ошибка – попросил дать мне информацию – контрперенос?»

Потом он пройдет по этим пометкам с Маршалом, супервизором. Но Эрнест и сам понимал, что глупо вытягивать информацию из пациента. Почему он должен уговаривать Джастина рассказывать дальше? Нельзя давать волю любопытству. Невоздержанный – вот как назвал его Маршал пару недель назад. «Тебе нужно научиться ждать, – сказал бы Маршал. – Джастину должно быть важнее рассказать тебе об этом, чем тебе это услышать».

А если он решит не говорить тебе ничего, ты должен поднять вопрос о том, почему он приходит к тебе, платит тебе, но утаивает от тебя информацию».

Эрнест знал, что Маршал прав. Но правильность техник его не волновала – это был необычный сеанс. Спящий Джастин проснулся и ушел от жены! Эрнест посмотрел на своего пациента; ему показалось или Джастин и правда казался сегодня более сильным? Ни подострастных кивков, ни сутулости, ни нерешительности, ни извинений за газету, которую он уронил на пол около своего стула. Он даже не вертелся на стуле, пытаясь сделать так, чтобы белье не жало.

«Ну... хотелось бы, конечно, чтобы было о чем рассказать, – все прошло так легко и просто. Словно на автопилоте. Я просто сделал это. Просто взял и ушел». Джастин замолчал.

И снова Эрнест не сдержался: «Что вы еще можете сказать, Джастин?»

«Это все из-за Лауры, моей юной подруги».

Джастин редко говорил о Лауре, но каждый раз, когда упоминал ее, он называл ее своей «юной подругой». Эрнеста это раздражало. Но он не подал виду и промолчал.

«Знаете, я проводил с ней много времени. Наверное, я мало рассказывал вам об этом. Не знаю, почему я не говорил с вами о ней. Но я встречался с ней почти каждый день. Мы обедали вместе, или ходили гулять, или шли к ней домой, чтобы пошалить в постели. Наши отношения становились все ближе, мне было так хорошо с ней. А потом, вчера, Лаура прямо сказала: «Джастин, пора тебе перебираться ко мне».

И знаете что, – продолжал Джастин, поправляя кончик усов, щекочущий ему нос, – я подумал, что она права. Действительно пора».

Лаура говорит ему бросить жену, и он бросает жену. Эрнест вдруг вспомнил статью о брачном поведении рыб, обитающих в коралловых рифах. Ихтиологи могут с легкостью определить доминирующего самца или самку: они просто наблюдают за самкой в движении и видят, как она заметно нарушает плавательные паттерны большинства самцов – всех, кроме доми-

нирующего. Вот она, разрушительная сила женской красоты, – что у людей, что у рыб! Это ужасно! Лаура, вчерашняя студентка, просто сказала Джастину, что пора уходить от жены, и он послушался ее. А он, Эрнест Лэш, талантливый, исключительно талантливый психотерапевт, убил пять лет, пытаясь выманить Джастина из-под крыла жены.

«А потом, – продолжал Джастин, – в мой последний вечер дома, Кэрол только упростила мою задачу, показав во всей красе свой несносный характер. Она начала нападать на меня за то, что меня нет. «Тебя нет даже тогда, когда ты здесь, – говорила она. – Придвинь свой стул к столу. Почему ты всегда так далеко? Поговори с нами! Посмотри на нас! Когда ты последний раз заговаривал со мной или с детьми? Где ты? Твое тело здесь, а тебя самого здесь нет!» А потом, после ужина, когда она, гремя тарелками, убирала со стола, она сказала: «Я вообще не понимаю, зачем ты утруждаешь себя и приводишь свое тело домой».

И тут, Эрнест, я вдруг все понял. Кэрол права. Она абсолютно права. Зачем мне утруждать себя? Я сказал себе это еще раз: «Зачем я утруждаю себя?» А потом я просто сказал ей: «Кэрол, ты права. В этом, во всем остальном – ты совершенно права. Я и сам не знаю, зачем я утруждаю себя и прихожу домой. Ты абсолютно права».

И, не говоря ни слова больше, я пошел наверх, упаковал все, что смог, в первый попавшийся чемодан и вышел из дома. Я хотел взять с собой больше вещей, вернуться за вторым чемоданом. Вы же знаете Кэрол – она раскромсает и сожжет все, что осталось. Я хотел вернуться и забрать компьютер; она разобьет его. Но я понимал: сейчас или никогда. Стоит мне вернуться в дом, сказал я себе, и я пропал. Я себя знаю. И я знаю Кэрол. Я не смотрел по сторонам. Я просто шел, только прежде чем захлопнуть за собой входную дверь, я крикнул через плечо – не знаю, где была Кэрол с детьми: «Я тебе позвоню». А потом я удрал!»

Все это время Джастин сидел, сильно подавшись вперед. Он сделал глубокий вдох, в изнеможении откинулся на спинку стула и сказал: «Вот, собственно, и весь рассказ».

«Это произошло прошлым вечером?»

Джастин кивнул: «Я отправился напрямиком к Лауре, и мы всю ночь не размыкали объятий. Боже, как трудно было оторваться от нее утром! Вы даже не представляете, чего это мне стоило!»

«Попытайтесь объяснить», – сказал Эрнест.

«Знаете, когда я начал пытаться оторваться от нее, у меня вдруг возник образ делящейся амебы. Я не думал об амебах с тех самых пор, как мы в школе проходили их на уроках биологии. Мы, словно две половинки амебы, медленно разлеплились, и вот между нами осталась лишь тоненькая ниточка. А потом чпок – очень болезненный «чпок» – и мы разделились. Я встал, оделся, посмотрел на часы и подумал: «Через каких-то четырнадцать часов я снова буду лежать в постели в объятиях Лауры». Потом я пошел сюда».

«Эта сцена, которая произошла между вами и Кэрол прошлым вечером, – вы столько лет боялись этого. Но сейчас вы явно находитесь в прекрасном расположении духа».

«Я уже говорил, что мы с Лаурой прекрасно подходим друг другу, мы отличная пара. Она ангел, мне ее сам бог послал. Сегодня днем мы пойдем искать квартиру. У нее есть небольшая студия в Рашен-Хилл. Из окон открывается восхитительный вид на Бей-Бридж. Но нам там слишком тесно».

Бог послал! Эрнест едва сдержался, чтобы не съязвить.

«Вот если бы я встретил Лауру несколько лет назад! – продолжал Джастин. – Мы с ней обсуждали, сколько сможем позволить себе платить за квартиру. По дороге сюда я подсчитал, сколько я потратил на терапию. Три раза в неделю в течение пяти лет – сколько это получается? Семьдесят, восемьдесят тысяч долларов? Не принимайте это на свой счет, Эрнест, но я не могу не думать о том, что было бы, если бы я познакомился с Лаурой пять лет назад. Может, я еще тогда расстался бы с Кэрол. И закончил терапию. Может, я сейчас искал бы квартиру с восьмьюдесятью тысячами долларов в кармане!»

Эрнест почувствовал, как лицо его заливает краской. Слова Джастина звенели в его ушах. Восемьдесят тысяч долларов! Не принимайте это на свой счет, не принимайте это на свой счет!

Но Эрнест ничем не выдал своих чувств. Он не отвел глаза, не сказал ни слова в свою защиту. Не стал говорить и о том, что пять лет назад Лауре было лет четырнадцать, а Джастин и подтереться не был способен, не спросив разрешения у Кэрол, не мог прожить и полудня, не позвонив терапевту, не мог сделать заказ в ресторане, не посоветовавшись с женой, не мог одеться утром, если она не выкладывала вещи, которые он должен надеть. Тем более его счета оплачивала жена, а не он сам – Кэрол зарабатывала в три раза больше мужа. Если бы не пять лет терапии, у него в кармане лежали бы восемьдесят тысяч долларов! Черт побери, пять лет назад Джастин даже не мог самостоятельно решить, в какой карман положить деньги!

Но Эрнест оставил свои мысли при себе. Он гордился своей сдержанностью – это верный признак профессиональной терапевтической зрелости. Вместо этого он невинно поинтересовался: «Вы постоянно пребываете в таком хорошем настроении?»

«Что вы имеете в виду?»

«Я хочу сказать, что это важное событие в вашей жизни. И вы наверняка испытываете целую гамму чувств по этому поводу».

Но Джастин вел себя не так, как хотелось Эрнесту. Он с неохотой делился информацией, держался отстраненно, недоверчиво. Эрнест понял, что ему следует сфокусироваться не на содержании, а на процессе – на отношениях между терапевтом и пациентом.

Процесс – чудодейственный амулет психотерапевта, который всегда помогает спасти зашедший в тупик сеанс. Это самый действенный производственный секрет терапевта, это то, что делает общение с терапевтом качественно иным и значительно более эффективным, чем разговор с близким другом. Умение сфокусироваться на процессе – на том, что происходит между терапевтом и пациентом, – это самое ценное, что Эрнест получил от Маршала, своего супервизора, и самое ценное, что он, в свою очередь, давал своим ученикам, когда сам выступал в качестве супервизора для терапевтов-резидентов. С годами он пришел к пониманию того, что процесс – это не только амулет, к которому можно обратиться в критических ситуациях, но самое сердце терапии. Одно из самых действенных упражнений, которому научил его Маршал, заключалось в том, чтобы обращаться к анализу процесса, как минимум, три раза в течение сеанса.

«Джастин, можем мы посмотреть, что сегодня происходит между нами?» – предложил Эрнест.

«Что? Что вы имеете в виду – «что происходит?»»

Опять сопротивление. Джастин прикидывается дурачком. Но, подумал Эрнест, возможно, бунт, пусть даже пассивный, – не такой уж плохой знак. Он вспомнил, сколько времени они боролись с ужасающим подбострастием Джастина, все те сеансы, в течение которых они пытались справиться с привычкой Джастина извиняться за все и ни о чем не просить: он не жаловался даже на бьющие в глаза солнечные лучи и не мог поинтересоваться, нельзя ли опустить шторы. Памятуя все это, Эрнест должен был бы аплодировать Джастину, поддержать его решительность. Сегодня ему нужно было превратить твердолобое сопротивление Джастина в открытое выражение эмоций.

«Я хотел спросить, какие чувства вы испытываете, разговаривая со мной сегодня? Что-то изменилось? Вам так не кажется?»

«А вы что чувствуете?» – вопросом на вопрос ответил Джастин.

Ага, еще один ответ не в духе Джастина. Декларация независимости. Радуйся, подумал Эрнест. *Помнить, как ликовал Джузеппе, когда Буратино научился ходить?*

«Справедливый вопрос, Джастин. Я чувствую себя отстраненным, забытым, словно у вас произошло что-то важное... Нет, не так. Скажем иначе: словно вы позволили случиться чему-

то важному, но вы не хотите делиться этим со мной, словно вы не хотите быть здесь сейчас, словно вы не хотите выпускать меня».

Джастин кивнул: «Именно так, Эрнест. Совершенно верно. Я действительно чувствую именно это. Я действительно избегаю вас. Я хочу чувствовать себя так же хорошо. Я не хочу, чтобы мне портили настроение».

«А я испорчу вам настроение? Я попытаюсь лишить вас этого ощущения?»

«Вы уже пытались это сделать», – сказал Джастин, глядя Эрнесту прямо в глаза, чего никогда не делал.

Эрнест вопросительно поднял брови.

«А разве не этого вы добивались, когда спросили, всегда ли у меня теперь хорошее настроение?»

У Эрнеста перехватило дыхание. Ого! Джастин бросает ему полноценный вызов! Может, терапия наконец-то все-таки пошла ему на пользу! Теперь пришла очередь Эрнеста строить из себя дурачка: «Что вы имеете в виду?»

«Разумеется, у меня не всегда хорошее настроение. Я бросил Кэрол, ушел из семьи, и у меня внутри бушует целая буря эмоций. Разве вы не понимаете? Как вы можете не знать этого? Я просто взял и оставил все: мой дом, мой лэптоп «Тошиба», моих детей, мою одежду, мой велосипед, мои ракетки для ракетбола, мои галстуки, мой телевизор «Мицубиси», мои видеокассеты, мои диски. Вы же знаете Кэрол: она ничего мне не отдаст, она все уничтожит. О-о-о-о... – Лицо Джастина исказилось, и он скорчился, прижав руки к животу, словно от удара. – Я чувствую боль. Я даже могу потрогать ее – видите, как она близко. Но сегодня, хотя бы сегодня, я хочу позабыть обо всем, хоть на несколько часов. А вы не хотите этого. Создается впечатление, что вы даже не рады, что я все-таки ушел от Кэрол».

Эрнест был поражен. Неужели он так выдал себя? Как бы повел себя в такой ситуации Маршал? Черт, Маршал не оказался бы в такой ситуации!

«Так ведь?» – повторил Джастин.

«Вы полагаете, – елеинным голосом произнес Эрнест, стараясь говорить спокойно, – что я не рад вашему прогрессу?»

«Рад? Я не вижу, чтобы вы были рады», – ответил Джастин.

«А вы? – так же ласково спросил Эрнест. – Вы рады?»

Джастин прекратил сопротивляться и оставил тон Эрнеста без комментариев. Все, хватит. Эрнест нужен ему. И Джастин капитулировал: «Рад? Да. И напуган. И настроен весьма решительно. И не знаю, что делать дальше. Все смешалось. Теперь самое главное – не возвращаться. Я вырвался, и теперь самое главное – остаться на свободе. Навсегда».

Все оставшееся до конца сеанса время Эрнест пытался исправить свои ошибки, всячески подбадривая и поддерживая своего пациента: «Стойте на своем... помните, как долго вы мечтали об этом, как долго вы шли к этому шагу... вы действовали в своих интересах... возможно, это самый важный поступок, который вы совершили в своей жизни».

«Должен ли я вернуться домой и обсудить все это с Кэрол? Мы прожили вместе девять лет, мне кажется, я обязан сделать это».

«Давайте представим себе эту ситуацию, – предложил Эрнест. – Что произойдет, если вы сейчас вернетесь, чтобы поговорить с Кэрол?»

«Бойня. Вы знаете, на что способна эта женщина. Что она способна сделать со мной. И с собой».

Эрнесту не нужно было напоминать. Он прекрасно помнил случай, о котором Джастин рассказывал ему год назад. В воскресенье на завтрак должны были прийти коллеги Кэрол, и они с детьми поехали за покупками. Джастин, в чьи обязанности входила готовка, хотел приготовить копченую рыбу, рогалики и лео (копченая лососина, омлет и лук). Слишком вульгарно, сказала Кэрол. Она и слышать об этом не хотела, несмотря на то что, как напомнил ей

Джастин, большинство ее коллег были евреями. Джастин решил не сдаваться и начал поворачивать к гастрономии. «Нет, не позволю, ты, сукин сын!» – закричала Кэрол и вцепилась в руль, пытаясь развернуть машину обратно. Сражение в потоке автомобилей закончилось тем, что они въехали в припаркованный мотоцикл. Кэрол вела себя словно дикая кошка, разъяренная росомаха. Эта неуравновешенная женщина тиранила мужа своей непредсказуемостью и иррациональностью. Эрнест помнил еще одно автомобильное приключение, о котором Джастин рассказывал пару лет назад. Теплым летним вечером они с Кэрол пошли в кинотеатр и поспорили, какой фильм смотреть. Она хотела «Иствикских ведьм», а он – «Терминатора-2». Она повысила голос, но Джастин, которого на той неделе Эрнест призывал отстаивать свои права, не хотел уступать. В конце концов Кэрол распахнула дверь – они снова ехали по оживленной трассе – и сказала: «Ты – жалкий недоносок, я не собираюсь и дальше терпеть твоё общество». Джастин схватил ее, но она вцепилась ногтями в его предплечье и, выпрыгивая на дорогу, оставила на коже четыре глубокие алые бороздки.

Выскочив из машины, которая ехала со скоростью пятьдесят миль в час, Кэрол пробежала, покачиваясь, метра два и наткнулась на припаркованный автомобиль, перелетев через его крышу. Джастин остановил машину и побежал к ней, расталкивая толпу, которая уже успела собраться у места происшествия. Она лежала на асфальте, неподвижная, но спокойная: чулки разорваны, коленки в крови, ссадины на руках, локтях и щеках, явный перелом запястья. Остаток вечера был кошмаром: «Скорая помощь», приемное отделение, унижительные расспросы полицейских и врачей.

Это было сильнейшее потрясение для Джастина. Он понимал, что даже с помощью Эрнеста ему не удастся справиться с Кэрол. Она ни перед чем не останавливалась. Этот прыжок на ходу из автомобиля сломил его. Он не мог противоречить жене, не мог бросить ее. Она тиранила его, но он нуждался в таком тиране. Даже если они расставались хотя бы на одну ночь, он места себе не находил от беспокойства. Каждый раз, когда Эрнест предлагал ему в качестве мысленного эксперимента представить себе, что он бросает жену, Джастин охватывал ужас. Разрыв с Кэрол, казалось, был невозможен, немислим. До тех самых пор, пока не появилась Лаура – девятнадцатилетняя, красивая, наивная, искренняя, хрупкая, дерзкая и не боящаяся тиранов.

«Так как вы считаете, – повторил свой вопрос Джастин, – должен ли я вести себя как мужчина и обсудить все с Кэрол?»

Эрнест обдумал свой ответ. Джастину нужна женщина-лидер. Может, он просто сменил одну на другую? Не станет ли его новый роман через несколько лет напоминать прежний? Но как бы то ни было, жизнь с Кэрол превратила Джастина в мумию. Возможно, вырвавшись от нее, он, пусть даже короткое время, станет восприимчив к терапии.

«Мне действительно нужен ваш совет».

Эрнест, как и любой другой терапевт, не любил давать советы. Это был безвыигрышный вариант: если совет оказывался действенным, это инфантилизировало пациента; если нет, терапевт выглядел полным идиотом. Но на этот раз у Эрнеста не было выбора.

«Джастин, я думаю, что встречаться с ней сейчас – не самое удачное решение. Пусть пройдет время. Ей нужно взять себя в руки. Возможно, вам стоит встретиться в кабинете психотерапевта. Я могу помочь вам в этом, но, как мне кажется, лучше будет, если я порекомендую вам семейного терапевта. Я не имею в виду тех, с кем вы уже работали. Знаю, они не смогли вам помочь. Попробуем обратиться к кому-нибудь еще».

Эрнест знал, что Джастин не воспользуется этим предложением: Кэрол всегда саботировала работу с семейными терапевтами. Но содержание – сам совет, который он дал Джастину, – значения не имело. Значимым на данном этапе был только процесс: отношения, читаемые между строк, поддержка, которую он оказывал Джастину, как он заглаживал вину за свои ошибки, как выравнивал сеанс и возвращал ему утраченную силу.

«Если вам будет плохо, если у вас появится необходимость поговорить со мной до следующего сеанса, звоните мне», – добавил Эрнест.

Хороший ход. Это успокоило Джастина. Эрнест вернул себе былой авторитет. Он спас сеанс. Он знал, что супервизор одобрит его технику. Но сам он не был доволен. Это позор. Грязь. Он не был честен с Джастином. Они не были *настоящими* в общении друг с другом. А ведь именно это он ценил в Сеймуре Троттере. Можете говорить о нем все, что угодно, – и, видит бог, сказано было немало, – но Сеймур знал, как быть настоящим. Он до сих пор не мог забыть, как спросил у Сеймура, какой методикой он пользуется, и услышал в ответ: «Моя методика состоит в том, чтобы не придерживаться ни одной методики! Я говорю правду».

Когда сеанс подошел к концу, случилось нечто необычное. Эрнест всегда признавал необходимость физического контакта с пациентами в ходе каждого сеанса. Обычно они с Джастином обменивались рукопожатиями в конце сеанса. Но не сегодня: Эрнест открыл дверь и сухо кивнул Джастину на прощание.

Глава 2

Полночь. Джастин Астрид отсутствовал всего четыре часа, когда Кэрол Астрид начала вычеркивать его из своей жизни. Она начала с кладовой, со шнурков Джастина и пары фестонных ножниц, а закончила через четыре часа, на чердаке, вырезая большую букву «Р» из надписи «Рузвельтская средняя школа» на его тенниске. Все это время она переходила из комнаты в комнату, методично кромсая одежду Джастина, его фланелевые простыни, тапочки с меховой отделкой, коллекцию жуков под стеклом, дипломы средней школы и колледжа, его коллекцию порнофильмов. Фотографии из летнего лагеря, где он и его коллега-консультант стоят в окружении своих подопечных восьмилеток, фотографии школьной команды по теннису, фотография с выпускного бала: Джастин и его подружка с лошадиным лицом – все это было изрезано на куски. Потом она нашла альбом с их свадебными фотографиями. Благодаря острому как бритва ножу, который использовал их сын при сборке моделей самолетов, скоро ничто не напоминало о присутствии Джастина в Сент-Маркс, модном местечке в Чикаго, где проходили епископальные бракосочетания.

Она вырезала из свадебных фотографий и лица его родителей. Если бы не они и не их пустые обещания больших-больших денег, она бы, наверное, никогда не согласилась выйти замуж за Джастина. Не видать им внуков как собственных ушей. А вот и брат Джеб. Как попала сюда его фотография? Кэрол изрезала и ее. Не нужен он ей. И все фотографии родственников Джастина: кретины, облепившие столы, жирные, ухмыляющиеся, тянут бокалы со своими идиотскими тостами, тычут в камеру своих недоумков-детей, ковыляют к танцплощадке. К черту их всех! Через несколько секунд все напоминания о Джастине и его семье полетели в камин. Теперь ее свадьба, как и ее супружеская жизнь, обратилась в прах.

В альбоме осталось только несколько ее фотографий, снимки ее матери и нескольких друзей, в том числе Нормы и Хитер, ее коллег-юристов, которым она собиралась позвонить утром. Она долго смотрела на фотографию матери. Как ей нужна сейчас ее помощь! Но ее мать давно умерла, уже прошло пятнадцать лет с тех пор, как ее не стало. Ее не стало еще раньше. Рак легких постепенно запускал свои щупальца в каждую клеточку ее тела, и Кэрол стала матерью для своей матери, охваченной смертельным ужасом.

Кэрол вырвала страницы с нужными ей фотографиями, разорвала альбом и тоже бросила в камин. Но тут же передумала – если сгорит белая пластиковая обложка, ее восьмилетние близнецы могут наглотаться ядовитого дыма. Она выхватила остатки альбома из огня и отнесла в гараж. Позже она упакует весь мусор и вернет Джастину.

Продолжаем. Рабочий стол Джастина. Ей повезло: был конец месяца, и Джастин, который работал бухгалтером в принадлежащей его отцу сети обувных магазинов, принес бумаги домой. Все документы – гроссбухи и платежные ведомости – пошли под нож. Кэрол знала, что самая важная информация хранится в его ноутбуке. Первым желанием было разбить его молотком, но она одернула себя: компьютер стоимостью пять тысяч долларов может ей пригодиться. Можно же просто уничтожить все файлы. Она попыталась добраться до документов, но Джастин заблокировал доступ к информации паролем. Этот ублюдок еще и параноик! Ладно, она спросит у кого-нибудь совета. А пока она заперла ноутбук в свой кедровый сундучок. «Не забыть поменять замки во всем доме», – подумала она.

На рассвете она в третий раз провела близнецов и упала в постель. Детские кровати были завалены куклами и мягкими игрушками. Глубокое, спокойное дыхание. Такой невинный, мирный сон. Видит Бог, она завидовала им. После трех часов беспокойного сна она проснулась от боли в челюстях – так она скрежетала зубами. Сжав щеки ладонями, она медленно открывала и закрывала рот. Слышалось похрустывание.

Она посмотрела на пустую половину кровати, где обычно спал Джастин, и прошептала: «Сукин ты сын. Ты не стоишь моих зубов!» Потом, дрожа от холода, она села в кровати, обхватив колени, и стала думать, где он теперь. Слезы, сбегавшие по щекам и капающие на подол ночной рубашки, испугали ее. Она вытерла залитое слезами лицо и уставилась на свои мокрые пальцы. Кэрол была очень энергичной женщиной, способной на быстрые решения и решительные действия. Интроспекция никогда не приносила ей облегчения, и тех, кто прибегал к ней, как, например, Джастин, она считала малодушными трусами.

Но делать больше было нечего: она привела в негодность все, что осталось от Джастина, и теперь на нее навалилась такая тяжесть, что она не могла даже пошевеливаться. Но дышать она могла и, вспомнив некоторые дыхательные упражнения из занятий йогой, она сделала глубокий вдох и на выдохе медленно наполовину выпустила воздух. Потом она сделала еще неполный вдох, выдохнула половину – и так несколько раз. Стало легче. Она перешла к другому упражнению, которое рекомендовал ее инструктор по йоге. Она представила, что ее разум – это сцена, а она сидит в зрительном зале и отстраненно наблюдает за шествием своих мыслей. Никакого эффекта, только вереница неясных болезненных ощущений. Их надо как-то уловить и разобрать. Но как? Казалось, только все вместе они имеют какое-то значение.

В ее мозгу возник образ: лицо человека, которого она так ненавидела, чье предательство оставило глубокий след в ее душе, – доктор Ральф Кук, психиатр, которого она посещала в центре психического здоровья при колледже. Чисто выбритое розовое лицо, круглое, как луна, с тонкими светлыми волосенками. Она пришла к нему на втором курсе из-за Расти – парня, с которым она встречалась с четырнадцати лет. Расти был ее первым бойфрендом и целых четыре года избавлял ее от досадной необходимости искать кавалера для свиданий, для похода на выпускной вечер, а позже и сексуальных партнеров. Вслед за Расти она поступила в университет Брауна, записалась на те же предметы, что и он, поменялась комнатами с другой студенткой, чтобы жить в общежитии рядом с ним. Но, возможно, она слишком на него наслала: в конце концов Расти начал встречаться с другой. Новая пассия Расти была симпатичной девушкой, наполовину француженкой, наполовину вьетнамкой.

Никогда в жизни Кэрол не было так плохо. Сначала она держала все в себе: рыдала по ночам, отказывалась есть, пропускала занятия, гоняла на машине как сумасшедшая. Потом дала выход своей ярости: она устроила погром в комнате Расти, раскромсала колеса его велосипеда, выследила его новую подружку и начала изводить ее. Однажды она пришла в бар, где они сидели, и вылила на парочку кувшин пива.

Сначала все было хорошо. Завоевав ее доверие, доктор Кук помог ей оплакать эту потерю. Ее боль, объяснял он, была вызвана столь сильным стрессом, что с потерей Расти открылась незаживающая рана, полученная в детстве: потеря отца. Ее отец был одним из «пропавших на Вудстоке»: когда ей было восемь лет, он поехал на фестиваль в Вудстоке и больше не вернулся. Поначалу он присылал ей открытки из Ванкувера, Шри-Ланки и Сан-Франциско, но потом оборвалась и эта ниточка, связывающая ее с отцом. Она помнила, как ее мать рвала и жгла отцовские фотографии и одежду. После этого мать больше никогда не говорила об отце.

Доктор Кук утверждал, что расставание с Расти черпает силу в расставании с отцом. Кэрол не соглашалась, говорила, что у нее не осталось никаких приятных воспоминаний об отце. Может быть, осознанных воспоминаний и нет, говорил доктор Кук, но готова ли она утверждать, что нет забытых воспоминаний о том, как он заботился о ней? А отец из ее фантазий и снов – любящий защитник, к которому всегда можно обратиться за помощью, которого у нее никогда не было. Она тосковала об отце, и расставание с Расти прорвало плотину, сдерживающую поток боли.

Доктор Кук также помог ей посмотреть на ситуацию в перспективе, предложив оценить расставание с Расти в перспективе всей ее жизни: ей было всего девятнадцать, воспоминания о Расти скоро сотрутся из ее памяти. Через несколько месяцев она и думать о нем забудет; через

пару лет у нее останутся лишь смутные воспоминания о симпатичном молодом человеке по имени Расти. В ее жизни появятся другие мужчины.

На самом деле другой мужчина уже появлялся: заговаривая ей зубы, доктор Кук тайком пододвигал свой стул все ближе и ближе. Он уверял Кэрол, что она привлекательная, очень привлекательная женщина, держал ее за руку, когда она плакала, крепко обнимал ее в конце сеансов, утверждал, что такая очаровательная женщина без труда сможет вскружить голову другим мужчинам. «Я говорю о себе», – сказал он и сообщил, что его тянет к ней.

Для рационализации своих действий доктор Кук обратился к теории: «Для вашего исцеления, Кэрол, прикосновения просто необходимы. Расставание с Расти раздуло непотухший костер ранних, довербальных потерь, так что и терапевтический подход строится на невербальном подходе. Вы не можете поговорить с памятью своего тела – их можно только убаюкать, успокоить телесным контактом».

Успокоение телесным контактом скоро перешло в успокоение сексуальным контактом, имевшим место на печального вида потертом кашанском¹⁰ ковре между двумя их стульями. С того момента сеансы шли по налаженной схеме: несколько минут рассказа о происшествиях за неделю, сочувственные «ш-ш-ш» доктора Ральфа (она никогда не называла его по имени), далее – исследование симптомов – навязчивые мысли о Расти, бессонница, анорексия, неспособность сосредоточиться, и в конце концов – повторение интерпретации: столь бурная реакция на расставание с Расти черпает силу в уходе отца из семьи.

Доктор Кук был профессионалом. Кэрол успокоилась, чувствовала, что о ней заботятся, – и была благодарна за это. А потом, где-то за полчаса до окончания сеанса, доктор Кук переходил от слов к делу. Например, во время проработки сексуальных фантазий Кэрол он говорил, что некоторые фантазии необходимо реализовать; или в ответ на ту злость, которую Кэрол направляла на мужчин, он утверждал, что его профессиональный долг – доказать ей, что не все мужчины – подонки; или когда Кэрол говорила, что кажется себе некрасивой, что она не может нравиться мужчинам, он отвечал, что может лично доказать, что она в корне не права, что он сам не может устоять перед ее очарованием. Еще был такой вариант: Кэрол начинала рыдать, и он говорил: «Эй, ну что ты. Поплакать, конечно, полезно, но давай я лучше обниму тебя».

Как бы ни развивался их диалог, остаток сеанса проходил по одному и тому же сценарию: он сползал со стула на потертый персидский ковер и протягивал к ней руки, приглашая последовать его примеру. Несколько минут уходило на объятия и ласки, потом он протягивал ей разноцветные презервативы и предлагал выбрать, какой ей больше нравится. Возможно, эта нехитрая процедура помогала ему поверить, что она контролирует ситуацию. Потом Кэрол вскрывала упаковку, натягивала презерватив на его эрегированный член – того же цвета, что и его чисто выбритые розовые щеки. Доктор Кук всегда играл пассивную роль: он лежал на спине, позволяя Кэрол забираться на него и самой контролировать ритм и глубину сексуальных танцев. Возможно, это было очередным приемом, с помощью которого он убеждал себя, что она несет ответственность за происходящее.

Помогли ли ей эти сеансы? Кэрол думала, да. Каждую неделю в течение пяти месяцев Кэрол покидала его кабинет, зная, что о ней есть кому позаботиться. И, как и предсказывал доктор Кук, воспоминания о Расти и правда стерлись из ее памяти, вернулось спокойствие, и она снова начала посещать занятия в колледже. Все шло гладко до тех самых пор, когда после двадцати таких сеансов доктор Кук не объявил, что она совершенно здорова. Его работа на этом заканчивается, сказал он ей, и пришло время прекращать терапию.

Прекратить терапию! Его уход отбросил ее назад, к тому, с чего она и начала. Хотя она и не рассчитывала, что их отношения продлятся вечно, она никогда и представить себе не могла, что ее вот так выкинут за порог. Она каждый день звонила доктору Куку. Сначала он был

¹⁰ По названию города Катан в Иране. – *Прим. ред.*

радушен и ласков, но она продолжала звонить, и он стал резок и раздражителен. Он напомнил ей, что система студенческого здравоохранения предоставляет учащимся только краткосрочную терапию, и просил не звонить ему больше. Кэрол была уверена, что он нашел себе другую пациентку для терапии с применением сексуального подкрепления. Все было ложью, поняла она: его забота, его участие, слова о ее красоте. Он просто манипулировал ею, все это делалось для его удовольствия, а не ради ее пользы. Она не знала, как после этого можно верить людям.

Следующие несколько недель были кошмаром. Она отчаянно тосковала по доктору Куку, поджидала его у дверей офиса, чтобы вырвать у него хотя бы капельку внимания. Вечерами она накручивала диск телефона, набирая раз за разом его номер, или пыталась разглядеть его через прутья кованой железной изгороди, окружающей его огромный дом на Проспект-стрит. Даже теперь, спустя почти пятнадцать лет, она отчетливо помнила это ощущение: холодные витые железные прутья впиваются в ее щеки, а она наблюдает, как силуэты доктора Кука и его домочадцев перемещаются из комнаты в комнату. Скоро боль превратилась в ярость. Появились мысли о возмездии. Доктор Кук изнасиловал ее – он не применял физическую силу, но факт остается фактом: она была изнасилована. Кэрол обратилась за советом к молоденькой преподавательнице-практикантке, и та посоветовала ей отказаться от этой идеи. «У тебя нет доказательств, – сказала она. – Никто тебе не поверит. А даже если и поверит, только представь, какое унижение тебе придется пережить: ты должна будешь описать им, как происходило изнасилование, свою роль в нем, должна будешь объяснять, почему добровольно возвращалась к насильнику столько раз, неделю за неделей».

С тех пор прошло пятнадцать лет. Именно тогда Кэрол решила стать юристом.

На последнем курсе колледжа Кэрол проявила недюжинные способности в области политологии, и профессор, который вел курс, написал ей отличную характеристику и рекомендацию в юридический колледж, но при этом активно намекал ей, что рассчитывает получить вознаграждение сексуального характера. Ярости Кэрол не было предела. Поняв, что ощущение беспомощности и депрессия вернулись к ней с новой силой, она обратилась к доктору Цвейзунгу, психологу, занимающемуся частной практикой. Первые два сеанса с доктором Цвейзунгом были успешными, но потом он начал сильно напоминать ей доктора Кука: также придвигал свой стул ближе и постоянно говорил о ее красоте и привлекательности. На этот раз Кэрол не растерялась: она уже знала, как следует вести себя в подобных ситуациях. Она выбежала из офиса, крича что есть мочи: «Ты подонок!» Это был последний раз, когда Кэрол просила о помощи.

Она потрясла головой, пытаясь прогнать воспоминания. Почему она вдруг вспомнила об этих мерзавцах? Особенно об этом гаденыше – докторе Ральфе Куке? А потому, что пыталась разобраться в спутанных чувствах. Единственное, что она получила хорошего от доктора Кука, – это мнемоника для определения чувств, которая базировалась на основных четырех: боль, грусть, ярость, радость. Эта методика не раз ей помогала.

Она облокотилась на подушку и сосредоточилась: «Радость» она отмела сразу. Она уже давно ничему не радовалась. Теперь остальные три. «Ярость» – здесь все просто; это было знакомое чувство, ее родная стихия. Она сжала ладони и ясно и отчетливо почувствовала, как вздымается в ней ярость. Простая. Естественная. Она дотянулась до подушки Джастина и прошипела: «Мразь, мразь, мразь! Где, черт возьми, ты провел эту ночь?»

Кэрол знала и «грусть». Не очень хорошо, не совсем ясно, как некоего еле различимого призрачного спутника. Сейчас она острее, чем обычно, ощутила, что он был с ней всегда, потому что не смогла найти его в себе. Долгие месяцы она ненавидела утро: просыпаясь, она стонала при мысли о том, что ждет ее днем: слабость, тошнота, негнущиеся суставы. Если это была «грусть», то сегодня от нее не осталось и следа; сегодняшнее утро было другим: она чувствовала прилив энергии, злость. И ярость!

«Боль»? О боли Кэрол знала не так много. Джастин часто говорил о «боли», указывая себе на грудь, где он чувствовал тягостное давление тревоги и чувства вины. Но она нечасто сталкивалась с «болью» – и едва терпела тех, кто так же, как Джастин, жаловался на это.

Еще не рассвело, в комнате было темно. По дороге в ванную Кэрол наткнулась на кучу чего-то мягкого. Щелчок выключателя напомнил ей о резне, которую она учинила вечером. Пол спальни был завален обрезками галстуков и брюк Джастина. Она подцепила пальцем ноги отрезанную штанину и подбросила ее в воздух. Ей понравилось. Но галстуки – зря она их искромсала. У Джастина было пять любимых галстуков – он называл их коллекцией произведений искусства, – которые висели отдельно от остальных в замшевом чехле на «молнии», который она подарила ему на день рождения. Он редко носил свои драгоценные галстуки, только по особенным случаям, так что они прекрасно сохранились. Два из них он купил еще до их свадьбы – они поженились девять лет назад. Вчера Кэрол уничтожила все его обычные галстуки, а потом принялась и за «выходные». Изрезав на куски два из них, она остановилась, рассматривая любимый галстук Джастина: изящный орнамент в японском стиле вокруг восхитительного смелого цветка с лепестками цвета сочной лесной листвы. Глупо, подумала она. Она может использовать эти галстуки, чтобы причинить ему более сильную, более изощренную боль. Она заперла этот и еще два уцелевших галстука вместе с компьютером в своем сундучке кедрового дерева.

Она позвонила Норме и Хитер и попросила их приехать к ней вечером – есть срочное дело. Нельзя сказать, что они часто встречались, – у Кэрол не было близких друзей, но три женщины составляли своеобразный военный совет и часто собирались вместе, когда возникали проблемы. Обычно собрания были приурочены к кризисам на почве половой дискриминации в юридической компании Каплана, Джарндиса и Таттла, где они все работали последние восемь лет.

Норма и Хитер приехали после обеда. Три женщины сидели в гостиной с незадрапированными потолочными балками и неандертальскими стульями, выточенными из массивных кусков красного дерева и покрытыми толстыми шкурами. Кэрол растопила камин эвкалиптовыми и сосновыми поленьями и предложила подругам налить себе вина или пива из холодильника. Кэрол так волновалась, что, открывая банку, облила рукав пивом. Хитер, на седьмом месяце беременности, вскочила, побежала на кухню и вернулась с влажной тряпкой, которой вытерла пострадавший рукав. Кэрол села у камина, чтобы свитер подсох, и подробно описала подругам Великий Исход Джастина.

«Кэрол, это же счастье. Думай об этом как о митцве¹¹», – сказала Норма, наливая в свой стакан белое вино. Норма была крошечной впечатлительной женщиной. Стриженные челкой черные волосы обрамляли маленькое лицо с идеальными чертами. Сама она была чистокровной ирландкой, убежденной католичкой – отец-ирландец работал полицейским в Южном Бостоне, муж научил ее высказываниям на идише на все случаи жизни. «Он камнем висел у тебя на шее все то время, что мы знакомы».

Хитер, длиннолицая шведка с огромной грудью, за время беременности набрала сорок фунтов. Она поддержала Норму: «Действительно, Кэрол. Он ушел. Ты свободна. Дом в твоём распоряжении. Нечего терять время на слезы; пора замки менять, Кэрол! Твой рукав! Паленым пахнет».

Кэрол отсела от камина и упала в один из покрытых мехом стульев.

Норма отхлебнула большой глоток вина: «L'chaim¹², Кэрол. Вперед, к свободе. Знаю, сейчас ты потрясена, ты еще не пришла в себя, но не забывай, что именно этого ты хотела. За все

¹¹ Предписанное достойное дело. – Прим. ред.

¹² Твое здоровье (фр.). – Прим. ред.

годы нашего знакомства я не помню, чтобы ты сказала хоть слово – хотя бы одно доброе слово о Джастине или о твоей семейной жизни».

Кэрол не ответила. Она сбросила туфли и сидела, скрестив ноги. Кэрол была стройной женщиной с длинной изящной шеей и густыми черными, коротко стриженными кудрями, ярко выраженными скулами и челюстными костями и горящими, словно раскаленные угольки, глазами. На ней были узкие черные джинсы «Ливайс» и толстый растянутый свитер крупной вязки с огромным воротом.

Хитер и Норма пытались найти правильный тон. Они осторожно выбирали слова и поминутно поглядывали друг на друга, ища поддержки.

«Кэрол, – сказала Норма, наклонившись к подруге и поглаживая ее по спине, – попробуй думать об этом так: ты вылечилась от чумы. Аллилуйя!»

Но Кэрол сжалась от ее прикосновения и только крепче обхватила ноги: «Да, да, я знаю. Я все это знаю. Но мне от этого не легче. Я знаю, что такое Джастин. Я знаю, что угробила на него девять лет моей жизни. Но ему не удастся так просто уйти».

«Как это так? – переспросила Хитер. – Не забывай, что ты сама хотела, чтобы он ушел. Ты не хочешь, чтобы он вернулся. То, что случилось с тобой, – это благо».

«Я не об этом», – ответила Кэрол.

«Ты просто злишься. Ты что, хочешь, чтобы этот слизняк вернулся? Да пусть себе уходит», – сказала Норма.

«Говорю же, я не об этом», – повторила Кэрол.

«Тогда о чем?» – поинтересовалась Норма.

«Я хочу отомстить!»

«Что?! Нечего терять на него время! Он этого не достоин! Он ушел, вот и скатертью дорога! Не позволяй ему управлять собой!» – в один голос закричали Норма и Хитер.

Тут Джимми, один из близнецов, позвал мать. Кэрол встала и прошептала: «Я люблю своих детей, но как подумаю, что еще десять лет мне придется дежурить двадцать четыре часа в сутки... Боже правый!»

Кэрол ушла, и подругам стало неловко. Обе, не сговариваясь, решили не продолжать разговор за ее спиной. Норма подкинула в огонь эвкалиптовое полешко, и до возвращения Кэрол женщины молча смотрели на огонь. Кэрол сразу же заговорила: «Разумеется, я не собираюсь возвращать его. Вы меня так и не поняли. Я рада, что он ушел, и ни за что не пущу его назад. Но я хочу, чтобы он заплатил за то, что бросил меня вот так».

Хитер знала Кэрол еще с юридического колледжа и успела привыкнуть к ее антагонизму. «Постарайся понять, – сказала она. – Я просто хочу уяснить, к чему ты клонишь. Ты злишься на Джастина за то, что он бросил тебя? Или сам факт, что такая мысль могла прийти ему в голову, приводит тебя в бешенство?»

«А я думаю, что ты злишься на себя, потому что не успела вышвырнуть его сама!» – вставила Норма.

Кэрол покачала головой: «Норма, ты сама знаешь ответ. Все эти годы он пытался спровоцировать меня, чтобы я его выгнала, потому что этот слабак не мог уйти сам, не мог взять на себя вину за то, что он разрушает семью. Я не могла доставить ему такое удовольствие».

«То есть, – уточнила Норма, – ты не разводилась только для того, чтобы поиздеваться над ним?»

Кэрол раздраженно помотала головой: «Я давным-давно поклялась себе, что никогда никому не позволю бросить меня вот так. Я сама сообщу ему, когда он может уйти. Я так решила! Джастин не просто бросил меня – для этого у него кишка тонка; его кто-то увел или на руках унес. И я хочу выяснить, кто это сделал. Месяц назад секретарша сказала мне, что

видела его в «Янк Синг», где он радостно поедал дим сим¹³ в компании молодой девушки лет восемнадцати. Знаете, что мне больше всего понравилось в этой ситуации? Дим сим! Мне нравятся все эти китайские закуски, но он ни разу не ходил со мной есть дим сим! Когда этот мерзавец со мной, его начинает трясти при одном взгляде на карту Китая!»

«Ты спросила у него, что это была за женщина?» – поинтересовалась Норма.

«Разумеется, спросила! А ты как думала? Что я пропущу это мимо ушей? Он солгал. Он сказал, что это его клиентка. На следующий вечер я сравняла счет: сняла какого-то парня в «Шератон-баре». Эта любительница дим сима совсем вылетела у меня из головы. Но я выясню, кто она такая. Можно себе представить. Наверняка кто-то из тех, кто работает у него. Какая-нибудь малообеспеченная девчонка. Она должна быть либо законченной идиоткой, либо близорукой, чтобы пищать от восторга от его крошечного члена! Соблазнить какую-нибудь приличную женщину он бы попросту не смог. Я найду ее».

«Знаешь что, Кэрол, – сказала Хитер. – Сколько раз ты говорила, что Джастин погубил твою юридическую карьеру? Что вся твоя карьера полетела в тартарары из-за того, что он боится оставаться один дома? Помнишь то предложение от Чипмана, Бремера и Роуби, от которого тебе пришлось отказаться?»

«Помню ли я? Конечно, помню! Он действительно погубил мою карьеру! Вы-то знаете, какие предложения ко мне поступали после окончания колледжа. Я могла бы добиться всего. О таком предложении, как это, можно было только мечтать, но я вынуждена была отказаться. Можете себе представить специалиста по международному праву, который не может ездить в командировки? Мне, черт возьми, нужно было нанять ему сиделку. Потом появились близнецы, и моя карьера была на этом окончена. Если бы десять лет назад я согласилась работать у Чипмана, Бремера и Роуби, сейчас я бы уже была их партнером. Помните ту тупицу – Маршу? Так вот, она сделала это! Думаете, я не смогла бы стать партнером? Да, черт побери, я бы уже добилась этого!»

«Но именно об этом я тебе и говорю! – воскликнула Хитер. – Его слабость контролировала всю твою жизнь. Если ты будешь тратить время и силы на месть, он и дальше будет тебя контролировать».

«Вот именно, – встряла Норма. – А теперь у тебя появился второй шанс. Тебе осталось только ухватиться за него!»

«Осталось только ухватиться за него, – передразнила ее Кэрол. – Легко сказать. А сделать? Я угробила на него девять лет жизни! Я, дура, поверила его обещаниям красивой жизни. Когда мы поженились, его отец был болен, и все выглядело так, словно Джастин со дня на день должен стать обладателем сети магазинов – а это миллионы долларов! И что мы имеем? Прошло девять лет, а его отец жив-здоров, здоровее всех нас! Он даже не ушел на покой. А Джастин так и работает за гроши в папочкиной бухгалтерии. А знаете, что я получу, когда его папочка преставится? После всех этих лет ожидания? Как его невестка? Ни-че-го! Абсолютно ничего.

Ты говоришь, «осталось только ухватиться». Не так просто сделать это после того, какпустишь на ветер девять лет жизни! – Кэрол со злостью сбросила на пол подушку, вскочила и начала расхаживать взад-вперед за спинами подруг. – Я содержала его полностью, одевала его – этот беспомощный придурок был не способен даже самостоятельно купить себе нижнее белье или носки! Он носит черные носки, и мне приходилось их ему покупать, потому что те, которые он выбирал сам, были недостаточно эластичными и постоянно сползали! Я была его матерью, женой, жертвой. Я отвергала всех остальных мужчин из-за него. Когда я думаю о мужчинах, с которыми могла связать свою жизнь, мне плохо становится. А теперь какая-то баба дергает его за поводок, и он берет и уходит».

¹³ Паровые пельмени из рисовой муки. – Прим. ред.

«Ты уверена в этом? – спросила Хитер, переставив свой стул, чтобы видеть Кэрол. – В смысле, в том, что все произошло из-за женщины? Он что-нибудь говорил тебе на этот счет?»

«Да я уверена в этом на все сто. Я слишком хорошо знаю этого болвана. Мог ли он уйти сам? Ставлю тысячу против пятисот, что он уже переехал к ней – этой ночью».

Ставок не последовало. Кэрол обычно выигрывала пари. А если и проигрывала, то оно того не стоило – Кэрол не умела проигрывать.

«Знаешь... – Норма тоже переставила свой стул. – Когда от меня сбежал первый муж, я полгода была в депрессии. Я бы до сих пор из нее не выбралась, если бы не психотерапия. Я обратилась к психиатру. Это был доктор Сет Пейнд, психоаналитик из Сан-Франциско. Он здорово мне помог. А потом я познакомилась с Шелли. Нам было очень хорошо вдвоем, особенно в постели, но Шелли был помешан на азартных играх, и я попросила его попытаться решить эту проблему с доктором Пейндом, прежде чем мы поженимся. Пейнд был великолепен. Он буквально переделал Шелли. До этого вся его зарплата уходила на ставки – он ставил на все, что движется: на лошадей, на борзых, на футбол. Теперь ему хватает покера с друзьями. Шелли просто молится на Пейнда. Хочешь, я дам тебе его номер?»

«Нет! Только не это! Мозгоправ – это последнее, что мне сейчас нужно! – воскликнула Кэрол. Она встала и снова начала расхаживать за спинами подруг. – Я знаю, ты пытаешься мне помочь – ты, Норма, вы обе. Но поверьте, это не поможет! И терапия не поможет. Да и как он помог вам с Шелли? Только вспомни, сколько раз ты сама говорила, что он сидит у тебя на шее? Что он не стал меньше играть? Что тебе пришлось открыть отдельный банковский счет, чтобы он не мог запустить руки в твой кошелек?» Всякий раз, когда Норма начинала расхваливать Шелли, Кэрол выходила из себя. Она хорошо знала, что он собой представляет – в том числе и в сексуальном плане: именно с ним Кэрол сравнивала счет за дим сим. Но она умела хранить секреты.

«Да, согласна, выздоровление не было окончательным, – сказала Норма. – Но доктор Пейнд все равно помог нам. Шелли успокоился на несколько лет. Он вернулся к старому, только когда потерял работу. Когда он найдет новую работу, все наладится. Но, Кэрол, почему ты так против психотерапии?»

«Когда-нибудь я расскажу вам, какие претензии у меня есть к психотерапевтам. Единственное, что я уяснила из общения с ними: нельзя держать злость в себе. Поверьте, эту ошибку я больше не совершу».

Кэрол села и посмотрела на Норму: «Когда ушел Мелвин, ты, наверное, все еще любила его. Наверное, ты растерялась, ты была сбита с толку, наверное, ты хотела, чтобы он вернулся, наверное, пострадала твоя самооценка. Наверное, твой мозгоправ смог помочь тебе справиться с этим. Но это ты. У меня другая ситуация. Я не растерялась. Он украл почти десять лет моей жизни, лучшие десять лет, решающие десять лет моего профессионального становления. Он повесил на меня близнецов – я одна должна была заботиться о них, он постоянно ныл о никому-дышной работе у папочки, тратил тонны денег – моих денег – на своего чертова мозгоправа. Только представьте себе – три, а иногда и четыре сеанса в неделю! А теперь ему шлея под хвост попала, и он просто взял и ушел. И что вы скажете, я преувеличиваю?»

«Думаю, можно посмотреть на это иначе...» – протянула Хитер.

«Поверь мне, – перебила ее Кэрол, – я знаю, что делаю. Я точно знаю, что не люблю его. И я не хочу, чтобы он вернулся. Нет, не так. Я хочу, чтобы он вернулся – чтобы я могла выгнать его пинками! Я прекрасно понимаю, что происходит, и точно знаю, чего я хочу на самом деле. Я хочу причинить ему боль – и этой девчонке тоже, когда я узнаю, кто она. Хотите мне помочь? Тогда подскажите, что я могу сделать, чтобы причинить ему боль. Настоящую боль».

Норма подняла с пола старую большую куклу, лежавшую рядом с поленицей (Элис и Джимми, близнецам Кэрол, уже исполнилось восемь, и они выросли из своих старых игрушек), и усадила ее на каминную полку со словами: «Кому булавки? Булавки кому?»

«Теперь ваша очередь говорить», – сказала Кэрол.

Они совещались несколько часов. Сначала решили обратиться к старому проверенному средству – деньгам: хотели заставить его заплатить. Посадить его в долговую яму, из которой ему не выбраться до конца жизни, вытряхнуть его из «БМВ» и этих его итальянских костюмов и галстуков. Сжить его со свету: подделать его счета и засадить его папашу за решетку за уклонение от уплаты налогов, аннулировать его автомобильную и медицинскую страховку.

«Аннулировать медицинскую страховку? Хм, это интересно. Страховка покрывает всего тридцать процентов того, что он платит мозгоправу, но это уже что-то. Я бы все отдала, чтобы он не смог больше посещать своего терапевта. Вот это сильно его подкосит! Он просто с ума сойдет от горя! Он всегда говорил мне, что Лэш – его лучший друг. Хотела бы я посмотреть, как поведет себя этот лучший друг, когда Джастин перестанет платить ему!»

Но это все шутки. Они были умными женщинами, профессионалами в своем деле; они понимали, что деньги станут частью проблемы, а не частью мести. Наконец Хитер, специалистку по разводам, осенило, и она осторожно напомнила Кэрол, что та зарабатывала значительно больше мужа, и любой калифорнийский суд заставит ее платить Джастину алименты. А она, разумеется, не сможет претендовать на миллионы, которые он в конце концов унаследует. Тут подругам открылся весь трагизм ситуации: какой бы коварный план они ни состряпали, чтобы оставить Джастина без денег, они добьются лишь того, что Кэрол будет вынуждена больше заплатить неверному мужу.

«Знаешь, Кэрол, – сказала Норма, – в этом ты не одинока. Возможно, скоро мне придется столкнуться с такой же проблемой. Буду с вами полностью откровенной. Прошло полгода с тех пор, как Шелли потерял работу, и я поняла, что он действительно камнем повис на моей шее.

Плохо уже то, что он не особенно старается найти новую работу, но это еще не самое худшее. Ты права: он опять играет. Пропадают деньги. Он разорит меня. А каждый раз, когда я пытаюсь поговорить с ним об этом, он находит какое-нибудь хитрое оправдание. Одному богу известно, сколько он уже успел спустить: я боюсь составлять описание имущества. Как бы мне хотелось поставить ему ультиматум: либо ты ищешь работу и завязываешь с азартными играми, либо между нами все кончено. Я должна это сделать. Но не могу. Боже правый, как я хочу, чтобы он взял себя в руки!»

«Судя по всему, – сказала Хитер, – ты любишь этого парня. Да, он забавный, он красив. Ты утверждаешь, что он отличный любовник. Все говорят, что он похож на молодого Шона Коннери».

«Это действительно так. В постели он великолепен. Лучше всех! Но он дорого мне обходится. А разводиться еще накладнее. Мне это влетит в копеечку: судя по всему, мне придется выплачивать ему в качестве алиментов больше, чем он проигрывает в покер. А еще есть большая вероятность того, что моя доля в фирме – равно как и твоя, Кэрол, – был такой прецедент в суде округа Сонома в прошлом месяце, – может быть сочтена за материальное имущество, причем достаточно ценное, являющееся совместной собственностью».

«У тебя другая ситуация, Норма. Твой брак дает тебе что-то. По крайней мере, ты любишь своего мужа. Я же уйду с работы, перееду в другой штат, чтобы только не платить ни цента этому мерзавцу».

«Бросишь дом, бросишь нас – меня и Хитер, уедешь из Сан-Франциско и найдешь работу в Бойсе, штат Айдахо, под крышей химчистки? – воскликнула Норма. – Отличная идея! Вот он попляшет!»

Кэрол со злостью швырнула в камин охапку лучин и смотрела, как занимается огонь.

«Мне стало только хуже, – пожаловалась она. – Этот вечер только портит мне настроение. Девочки, вы не понимаете, вы даже представить себе не можете, как серьезно я настроена. Особенно ты, Хитер: ты объясняешь мне тонкости законов о разводе, а я весь день думала, не нанять ли мне киллера. Их же много. А сколько это будет мне стоить? Двадцать, двадцать

пять тысяч? У меня есть такие деньги. Причем в офшоре, их не отследишь! Лучшего вложения средств и представить себе нельзя. Хотела бы я убить его? Делайте ставки!»

Хитер и Норма молчали. Они старались не встречаться глазами друг с другом и с Кэрол, которая внимательно изучала лица подруг: «Я вас шокирую?»

Женщины помотали головами. Может, и не шокировала, но заставила забеспокоиться. Хитер не выдержала. Она встала, потянулась и отправилась на кухню, откуда через несколько минут вернулась с пинтой вишневого мороженого и тремя вилками. Норма и Кэрол отказались, и она ела мороженое в одиночестве, методично выковыривая вишенки.

Вдруг Кэрол схватила вилку и потянулась к мороженому: «Дай-ка мне тоже, пока не поздно. Ненавижу, когда ты так делаешь, Хитер. Эти вишенки – самое вкусное».

Норма пошла на кухню, налила себе еще вина и с наигранной веселостью подняла бокал: «Хочу выпить за твоего киллера! И как я не подумала об этом, когда Уильямсон проголосовал против моей кандидатуры в члены правления!»

«О'кей, если убийство не подходит, – продолжала Норма, – как насчет избияния? У меня есть клиент, сицилиец. Так вот, он всего за пять тысяч долларов может устроить бойню колесными цепями».

«Колесные цепи за пять тысяч баксов? Звучит заманчиво. Ты доверяешь этому парню?» – поинтересовалась Кэрол.

Норма перехватила мрачный взгляд Хитер.

«Я все вижу, – сказала Кэрол. – Что это вы переглядываетесь?»

«Мы должны держать себя в руках, – сказала Хитер. – Норма, не думаю, что ты правильно поступаешь, подпитывая злобу Кэрол, пусть даже в шутку. Если, конечно, это шутка. Кэрол, ты забываешь следить за ходом событий. Если с Джастином в ближайшие несколько месяцев что-нибудь случится – все, что угодно, – все подозрения падут на тебя. У тебя есть мотив, а зная твой характер...»

«Мой... что?»

«Ладно, скажем так, твою склонность к импульсивным поступкам. И ты остаешься...»

Кэрол потрянула головой и отвернулась.

«Кэрол, давай смотреть на вещи трезво. Ты человек вспыльчивый. Ты сама это знаешь, мы это знаем, все это знают. Адвокат Джастина с легкостью сможет доказать это в суде».

Кэрол молчала. Хитер продолжала: «Что я хочу сказать, так это то, что ты – главный подозреваемый, и, если начнется линчевание Джастина, у тебя есть все шансы попасть за решетку».

Кэрол опять не ответила. Поленья в основании костра прогорели, и верхние бревнышки с шумом обрушились вниз. Никто не встал, чтобы поправить дрова или подбросить новые поленья.

Норма подняла куклу и игриво предложила: «Кому булавки? Безопасные законные булавки!»

«Кто-нибудь знает хорошие книги о мести? – спросила Кэрол. – Какие-нибудь практические пособия типа «Сделай сам?»»

Норма и Хитер покачали головами. «Ладно, – сказала Кэрол. – Здесь поблизости есть магазин. Может, мне самой стоит написать такую книжку – с лично мной испытанными рецептами».

«Тогда ты сможешь списать деньги, потраченные на оплату услуг наемного убийцы, и производственные расходы», – согласилась Норма.

«Я когда-то читала биографию Д.Г. Лоуренса, – сказала Хитер, – и, помнится, там была какая-то жуткая история про его вдову, которую звали Фрида: она наплевала на его последние желания, кремировала его тело и залила пепел цементом».

Кэрол одобрительно кивнула: «Свободная душа Лоуренса навеки заточена в цементе. Склоняю голову, Фрида! Вот это месть, вот это мне нравится! Творческий подход!»

Хитер бросила взгляд на часы: «Кэрол, давай вернемся с небес на землю. Есть законные и эффективные способы наказать Джастина. Что он любит? Что для него важно? Вот с чего нам нужно начать».

«Не так уж многое, – ответила Кэрол. – Вот в этом-то и вся проблема. А, комфорт, его одежда – он любит одежду. Но не нужно помогать мне уничтожить его гардероб. Я уже позаботилась об этом, но не думаю, что он сильно расстроится. Он просто пойдет по магазинам, прихватив с собой мои денежки и свою новую подружку, которая подберет ему новый гардероб по своему вкусу. Мне нужно было придумать что-нибудь еще, например, отправить его одежду его злейшему врагу. Проблема в том, что он слишком ничтожен, чтобы нажить врагов. Еще я могла бы отдать его вещи следующему своему мужчине. Если у меня будет другой мужчина. Я спасла его любимые галстуки. А если бы у него был начальник, я бы переспала с этим начальником и отдала ему эти галстуки.

Что он еще любит? Может быть, свой «БМВ». Не детей, нет – вы себе даже представить не можете, насколько он к ним безразличен. Если я не позволю Джастину видаться с детьми, это будет скорее благодеянием, нежели наказанием. Разумеется, я настрою детей против отца – это и так понятно. Но не думаю, что он заметит. Я бы, конечно, могла сфабриковать против него обвинение в сексуальном злоупотреблении, но дети слишком взрослые, чтобы можно было уговорить их пойти на это. Кроме того, тогда он не сможет присматривать за ними, когда мне понадобится отлучиться».

«Что еще? – спросила Норма. – Обязательно должно быть что-то еще».

«Не так много! Этот человек – законченный эгоист. А, есть его ракетбол – два-три раза в неделю. Я хотела распилить его ракетки напополам, но он держит их в спортзале. Кстати, он мог познакомиться с этой женщиной в спортивном зале. Она может оказаться, например, инструкторшей по аэробике. Как бы он ни занимался, он как был жирным как свинья, так и остался. Думаю, это все от пива. Да, между прочим, пиво он любит».

«А люди? – предположила Норма. – Должны быть какие-то люди».

«Большая часть общения с ним проходит следующим образом: он сидит и скулит... как это будет на идише, Норма?»

«Kvetch!»

«Ага, сидит и жалуется на то, что у него нет друзей. У него нет близких людей, за исключением, разумеется, той девчонки, любительницы дим сима. Думаю, это она его захомотала – больше никому».

«Если она так плоха, как ты себе это представляешь, – сказала Хитер, – то лучше всего вообще ничего не делать, пусть они сами выкопают себе могилу. В итоге они поймут, что «Выхода Нет», – они сами превратят свою жизнь в ад».

«Ты так меня и не поняла, Хитер: я не просто хочу, чтобы ему было плохо. Это не месть. Я хочу, чтобы он знал, что это моих рук дело».

«Итак, – подвела итог Норма, – теперь мы знаем, с чего надо начать: мы должны узнать, кто эта женщина».

Кэрол кивнула: «Точно! А потом я найду способ, как добраться через нее до Джастина. Нужно только отрубить голову – хвост и сам умрет. Хитер, у тебя есть хороший частный детектив, которого ты используешь в бракоразводных процессах?»

«Есть – Бэт Томас. Профессионал – он сядет Джастину на хвост и в двадцать четыре часа установит ее личность».

«Бэт, кстати, очень мил, – добавила Норма. – Может, предложит расплатиться с ним натурой – так и деньги не придется тратить».

«Двадцать четыре часа? – переспросила Кэрол. – Он мог бы узнать ее имя за час, если бы додумался поставить жучок на кушетку в кабинете мозгоправа, у которого лечится Джастин. Джастин, наверное, только о ней и говорит».

«Терапевт Джастина, терапевт Джастина, – пробормотала Норма. – Интересно, почему мы забыли о нем? Сколько, ты говорила, Джастин лечится у него?»

«Пять лет!»

«Пять лет три раза в неделю, – продолжала Норма. – Посмотрим-посмотрим... Минус отпуска... около ста сорока сеансов в год, умножаем на пять, получается около семисот сеансов».

«Семьсот часов! – воскликнула Хитер. – Боже правый, о чем можно разговаривать семьсот часов!»

«Можно догадаться, о чем они говорили в последнее время», – сказала Норма.

Последние несколько минут Кэрол, пытаясь скрыть свое раздражение и недовольство подругами, забралась так глубоко в ворот свитера, что видны были только глаза. Это происходило и раньше, причем довольно часто: она ощущала себя более одинокой, чем когда-либо. Обычное дело: друзья проводят с тобой какое-то время, клянутся в верности; но рано или поздно приходится столкнуться с непониманием.

Но она услышала упоминание терапевта Джастина, насторожилась и, словно черепаха из панциря, медленно высунула голову: «В смысле? О чем это они говорили?»

«О Великом Исходе, разумеется. О чем же еще? – удивилась Норма. – Ты чем-то удивлена, Кэрол?»

«Нет. В смысле, да! Я понимаю, что Джастин не мог не обсуждать меня со своим терапевтом. И как я могла забыть об этом? Может, так было лучше. Противно думать о том, что на тебя постоянно доносят, о том, что Джастин пересказывает своему мозгоправу каждый наш разговор».

Но конечно! Разумеется! Эти двое вместе все спланировали. Я же говорила! Я же говорила, что Джастин бы никогда не смог уйти по собственной инициативе!»

«Он когда-нибудь рассказывал тебе, о чем они говорят?» – спросила Норма.

«Никогда! Лэш посоветовал ему ничего мне не рассказывать. Говорит, что я слишком сильно контролирую Джастина, а ему нужно какое-то убежище, в которое мне вход запрещен. Я уже давно перестала задавать вопросы. Но два или три года назад был момент, когда он разозлился на своего терапевта и недели две ругал его. Он говорил, что Лэш ничего не понимает и настаивает на расторжении брака. Тогда – не знаю почему, может, потому, что Джастин был такой грустный, – я подумала, что Лэш на моей стороне, что он, наверное, пытается показать Джастину, что, только расставшись со мной, он сможет понять, что я значу для него. Но теперь я понимаю, что все было совсем иначе. Черт, видите, какую змею я пригрела на своей груди!»

«Пять лет, – сказала Хитер. – Это очень долгий срок. Не могу припомнить случая, чтобы кто-нибудь так долго посещал психотерапевта. Почему это растянулось на пять лет?»

«Ты мало знаешь про терапевтическую индустрию, – ответила Кэрол. – Некоторые терапевты будут держать тебя вечно. К тому же я не сказала вам, что пять лет он лечится у этого терапевта. До него были другие. У Джастина всегда были проблемы: нерешительность, навязчивые идеи – он все проверял по сто раз. Когда мы выходим из дому, он возвращается и дергает входную дверь, чтобы убедиться, что закрыл ее. К тому времени, как он добирается до машины, он уже успевает забыть, проверил ли он дверь, и возвращается опять. Полный идиотизм! Можете представить себе такого вот бухгалтера? Смешно! Он постоянно пил какие-то таблетки: не мог без них спать, летать, общаться с аудитором».

«Он до сих пор их пьет?» – поинтересовалась Хитер.

«Зависимость от таблеток уступила место зависимости от терапевта. Он привязан к Лэшу, как ребенок к соске. Никак не может наиграться с ним. Даже с тремя сеансами в неделю он не может прожить остальные четыре дня, не позвонив Лэшу. Его критикуют на работе – через пять минут он звонит своему мозгоправу и начинает хныкать. Какая гадость!»

«А еще большая гадость, – сказала Хитер, – это эксплуатация терапевтом этой зависимости. Твой муж сильно пополнил его счет в банке. И зачем ему мотивировать пациента на самостоятельные действия? Может, здесь идет речь о злоупотреблении?»

«Хитер, ты меня не слушаешь. Я же говорю: для индустрии психотерапии пять лет – нормальный срок. Некоторые пациенты посещают своих терапевтов восемь-девять лет четыре или пять раз в неделю. А ты когда-нибудь пыталась заставить одного из этих ребят свидетельствовать в суде против своего коллеги? Гиблое дело».

«Кажется, – сказала Норма, – мы с вами делаем успехи». Она взяла вторую куклу, посадила ее рядом с первой на каминную полку и обвила их куском веревки. «Они как сиамские близнецы. Если мы доберемся до одного, то доберемся и до другого. Навредив доктору, мы навредим Джастину».

«Не совсем так, – возразила Кэрол. Она уже совсем выбралась из своего панциря, в голосе звучали железные нотки и нетерпение. – Если мы просто навредим Лэшу, мы ничего не добьемся. Это скорее только сблизит их еще сильнее. Нет, наша истинная цель – их взаимоотношения: разрушив их, я доберусь до Джастина».

«Ты когда-нибудь встречалась с Лэшем, Кэрол?» – спросила Хитер.

«Нет. Джастин несколько раз говорил, что хочет, чтобы я сходила с ним на сеанс семейной психотерапии, но с меня хватит общения с мозгоправами. Однажды, где-то год назад, любопытство взяло верх, и я пошла на одну из лекций Лэша. Высокомерный и твердолобый увалень. Помню, как мне хотелось подложить бомбу под его кушетку или двинуть кулаком в его ханжескую рожу. Это сравняло бы кое-какие счета. И новые, и старые».

Норма и Хитер начали обсуждать, как можно дискредитировать терапевта, а Кэрол словно окаменела. Она смотрела на огонь и думала о докторе Эрнесте Лэше. Ее щеки блестели, на них колебались отблески догорающих эвкалиптовых углей. И тут ее осенило. Словно в мозгу распахнулась потайная дверь и в нее вошла идея – изумительная идея. Кэрол вдруг точно поняла, что должна делать. Она встала, сняла кукол с каминной полки и бросила их в огонь. Тонкая бечевка, связывающая их, моментально вспыхнула и, прежде чем превратиться в пепел, блеснула яркой нитью. Куклы задымились, потемнели от жара и вскоре занялись огнем. Кэрол помешала пепел и торжественно провозгласила: «Спасибо вам, друзья мои. Теперь я знаю, что мне делать. Посмотрим, что будет делать Джастин, когда его терапевт лишится работы. Заседание закончено, дамы».

Норма и Хитер даже не пошевелились.

«Поверьте мне, – сказала Кэрол, опуская каминный экран, – вам лучше больше ничего не знать. Если вы ничего не будете знать, вам не придется идти на лжесвидетельство».

Глава 3

На входной двери магазина «Printers. Inc.» в Пало-Альто Эрнеста встретил плакат:

Д-р Эрнест ЛЭШ
ассистент профессора клинической психиатрии
(университет Сан-Франциско, Калифорния),
рассказывает о своей новой книге
«УТРАТА: ФАКТЫ, ФАНТАЗИИ, ФИКЦИИ».
19 февраля, 20.00–21.00.
После конференции автор подпишет книги.

Эрнест пробежался глазами по списку выступавших на прошлой неделе. Впечатляюще! Он путешествовал в хорошей компании: Элис Уокер, Эми Тэн, Джеймс Хиллмен, Дэйвид Лодж. Дэйвид Лодж – из Англии? И как это они его сюда заманили?

Зайдя в магазин, Эрнест подумал, знают ли покупатели, слоняющиеся по залам, что это он будет выступать здесь сегодня вечером. Он познакомился с Сьюзен, владелицей магазина, и принял ее предложение выпить по чашечке кофе в здешнем кафе. По дороге к читальному залу Эрнест осматривал полки в поисках новых книг своих любимых авторов. Большинство магазинов в качестве вознаграждения за труды позволяли выступающим выбрать себе книгу в подарок. О! Новая книга Пола Остера!

Его книжная меланхолия исчезла бесследно в считанные минуты. Кругом книги, взывающие к вниманию с огромных витрин, бесстыдно выставяющие напоказ радужные зеленые и красные обложки, грудой наваленные на полу в ожидании расстановки по полкам, падающие со столов, шлепающиеся на пол. У дальней стены магазина огромные курганы книг мрачно ожидали возвращения к своему создателю. Рядом стояли нераспечатанные коробки ярких, только что отпечатанных томов, жаждущие вырваться на волю.

Сердце Эрнеста дрогнуло при виде своего крошечного создания. Какая судьба уготована ему в этом океане книг, этому хрупкому существу, сражающемуся с бушующими волнами за свою жизнь?

Он вошел в читальный зал, где в пятнадцать рядов были расставлены металлические стулья. Здесь в центре внимания была выставлена его «Утрата: факты, фантазии, фикции»; рядом с возвышением шесть стопок, где-то около шестидесяти книг ждали своей очереди быть подписанными и проданными. Замечательно. Замечательно. Но какое же будущее ждет его книгу? Что будет через пару-тройку месяцев? Одна-две неприметные копии будут лежать под буквой «Л» в отделе психологической литературы или среди книг из серии «Помоги себе сам». А через полгода? Исчезнут! «Только спецзаказ; доставка в течение трех-четырех недель».

Эрнест понял, что ни один магазин не может вместить в себя все до единой книги, даже самые огромные. По крайней мере, что касается книг других писателей, он мог с этим смириться. Но в его голове не укладывалось, что придется умереть его книге! Книге, работе над которой он посвятил три долгих года, этим совершенным, отточенным предложениям и этому изяществу, с которым он брал читателя за руку и со всей осторожностью проводил через самые темные стороны жизни. Через год, через десять лет будут вдовы и вдовцы, миллионы людей, которым понадобится его книга. Истины, прописанные в ней, будут столь же непоколебимы и столь же актуальны, как и сейчас.

«Не путайте ценность с неизменностью – это прямой путь к нигилизму», – промурлыкал Эрнест себе под нос, пытаясь стряхнуть с себя грусть. Он вспомнил свой обычный катехизис. «Все проходит, – напомнил он себе. – Такова природа познания. Ничто не живет вечно. Измененность иллюзорная, и придет день, когда от Солнечной системы останутся лишь руины». О

да, ему стало лучше. Еще лучше стало, когда он вспомнил Сизифа: книга исчезает? Ну и что с того? Напиши новую! А потом еще и еще.

До начала оставалось целых пятнадцать минут, но посетители уже занимали места. Эрнест устроился в самом последнем ряду, чтобы просмотреть свои записи и проверить, правильно ли он разложил страницы после доклада в Беркли на прошлой неделе. Женщина с чашкой кофе в руках села через пару стульев от него. Какая-то сила заставила Эрнеста поднять глаза, и он увидел, что она смотрит на него.

Он присмотрелся и остался доволен результатом: привлекательная женщина с выразительными глазами, около сорока, длинные светлые волосы, крупные позвякивающие серебряные сережки, змеящаяся серебряная цепочка, черные чулки и ярко-оранжевый свитер из ангорской шерсти, героически пытающийся выдержать натиск груди. О, эти груди! Пульс Эрнеста пустился вскачь. Ему пришлось отвести взгляд.

Она смотрела прямо на него. Эрнест редко думал о Рут, своей жене, которая погибла в автокатастрофе шесть лет назад, но с благодарностью вспоминал один подарок, который получил от нее. Однажды, в самом начале их романа, когда они еще не перестали трогать и любить друг друга, Рут открыла ему страшную женскую тайну: как завоевать мужчину. «Это так просто, – сказала она. – Тебе нужно просто заглянуть в его глаза и задержать взгляд на несколько секунд. Вот и все!». Секрет Рут был весьма действенным: снова и снова он замечал, как женщины пытаются зацепить его. Эта женщина прошла тест. Он снова посмотрел на нее. Она так и не отвела глаза. Какие могут быть сомнения – эта женщина пытается соблазнить его! И, надо сказать, очень вовремя: его отношения с нынешней спутницей жизни быстро сходили на нет, и Эрнест изголодался по женской ласке. Но он все же с усилием сглотнул слюну и отважно отвернулся.

«Доктор Лэш?» – она наклонилась к нему и протянула руку. Он ответил на рукопожатие.

«Меня зовут Нан Свенсен», – она задержала его руку в своей на несколько секунд дольше, чем следовало бы.

«Эрнест Лэш». Эрнест пытался взять под контроль свой голос. Сердце колотилось, как отбойный молот. Он обожал сексуальные игры, но ненавидел первую стадию – ритуал, риск. Теперь он завидовал Нан: как хорошо она держится. Абсолютный контроль, полная уверенность в себе. Как же везет этим женщинам, подумал он. Нет необходимости завязывать разговор, нащупывать удобные темы, неуклюже предлагать выпивку, приглашать на танец или поддерживать разговор. Все, что им нужно, – это предоставить все своей красоте.

«Я знаю, кто вы такой, – сказала она. – Вопрос только в том, знаете ли вы, кто я».

«А я должен знать вас?»

«Я буду очень огорчена, если это не так».

Ее слова привели Эрнеста в замешательство. Он внимательно оглядел ее, стараясь не позволять своим глазам слишком долго задерживаться на ее груди.

«Думаю, мне придется получше и подольше присмотреться к вам. Позднее». – Он улыбнулся и бросил многозначительный взгляд на публику, быстро заполняющую зал, которая скоро призовет его.

«Возможно, имя Нан Карлин скажет вам больше».

«Нан Карлин! Нан Карлин! Ну конечно!» Эрнест взволнованно схватил ее за плечо. Ее рука дернулась, и кофе выплеснулось, залив сумочку и юбку. Он вскочил, неловко заметался по комнате в поисках салфетки и в конце концов вернулся с рулоном туалетной бумаги.

Пока она пыталась вытереть кофе с юбки, Эрнест пытался вспомнить все, что ему было известно о Нан Карлин. Она была одной из его первых пациенток десять лет назад, в самом начале практики в клинике. Руководитель курсов, доктор Молей, ярый приверженец групповой психотерапии, настоял на том, чтобы все его ученики организовали свои группы на первом же году практики. Нан Карлин была членом одной из этих групп. С тех пор прошло десять

лет, но Эрнест сразу же все вспомнил. Нан тогда была очень полной: вот почему он не узнал ее сейчас. Еще он помнил, что она была очень стеснительной и имела склонность к самоуничижению. Ничего общего с этой женщиной с потрясающим самообладанием, которая сидела сейчас перед ним. Если он ничего не путал, в то время у Нан были большие проблемы в семейной жизни... да, именно так. Ее муж сказал ей, что уходит от нее, потому что она слишком растолстела. Он обвинил ее в нарушении супружеской клятвы, утверждая, что она преднамеренно позорит его, не прислушивается к его словам и умышленно уродует себя.

«Я не ошибаюсь? – ответил Эрнест. – Я помню, насколько робкой вы были в группе, как трудно было вытянуть из вас хотя бы слово. А еще я помню, как вы разозлились на того мужчину, его звали, кажется, Сол. Вы – очень аргументированно – обвинили его в том, что он прячется за своей бородой и забрасывает группу гранатами».

Эрнест распускал хвост, как павлин. Он обладал великолепной памятью, способной удерживать в себе до мелочей и выдать даже через несколько лет все подробности относительно сеансов групповой и индивидуальной терапии.

Нан улыбнулась и энергично закивала. «Я тоже помню эту группу: Джей, Морт, Беа, Ирина, Клаудиа. Я пробыла в этой группе всего два или три месяца, потом меня перевели на Восточное побережье, но я думаю, что именно эта группа спасла мне жизнь. Этот брак сводил меня в могилу».

«Как приятно видеть, что у вас все наладилось. И что группа внесла в это свою лепту. Нан, вы выглядите потрясающе. Неужели и правда прошло десять лет? Честно, честно, это не терапевтические приемчики – кажется, тогда это было одним из ваших любимых словечек? – снова распустил хвост Эрнест. – Вы выглядите моложе, более уверенной, более привлекательной. Вы и чувствуете себя соответственно, не так ли?»

Она кивнула и коснулась его руки. «У меня все хорошо, очень. Я одинока, здорова, стройна».

«Я помню, вы всегда боролись с лишними килограммами!»

«Я выиграла эту битву. Я и правда стала совсем другой».

«Как вам это удалось? Может, мне стоит воспользоваться вашей методикой». Эрнест помял пальцами складку на животе.

«Вы в этом не нуждаетесь. Мужчинам повезло. Они спокойно носят на себе любое количество килограммов, их за это даже называют мощными, крепкими. А что касается моего метода... Если хотите знать, я попала в руки хорошего доктора!»

Эта новость неприятно удивила Эрнеста. «Все это время вы работали с терапевтом?»

«Нет, я хранила верность вам, мой единственный спаситель! – Она шутливо шлепнула его по руке. – Я говорю о докторе, пластическом хирурге, который смастерил мне новый нос и взмахнул своей волшебной липосакционной палочкой над моим животиком».

Зрители уже заполнили комнату, и Эрнест прислушался к представлению, которое заканчивалось знакомым «а теперь все вместе поприветствуем доктора Эрнеста Лэша».

Прежде чем подняться, Эрнест перегнулся через стулья, сжал плечо Нан и прошептал: «Я действительно очень рад вас видеть. Давайте продолжим наш разговор позже».

Он начал пробираться к возвышению, голова его шла кругом. Нан была прекрасна. Просто ослепительна. И в полном его распоряжении. Ни одна женщина никогда не давала ему понять так ясно, что он может получить ее. Нужно только найти ближайшую кровать – или кушетку.

Кушетку. Именно! Вот в чем проблема, напомнил себе Эрнест: десять лет назад или не десять, она все равно остается его пациенткой и «вход воспрещен». Это запретная зона! Нет, не остается – она была его пациенткой, подумал он, одним из восьми членов терапевтической группы в течение нескольких недель. Кроме сеанса предварительного отбора в группу, он, кажется, ни разу не встречался с ней один на один.

Да какая разница! Пациент есть пациент.

Всегда? И через десять лет? Рано или поздно пациент вырастает, становится совсем взрослым со всеми сопутствующими привилегиями.

Эрнест прекратил свой внутренний монолог и настроился на общение с публикой.

«Зачем? Зачем, дамы и господа, нужно было писать книгу об утрате? Посмотрите на отдел этого магазина, отведенный под книги об утратах и потерях. Полки ломятся от книг. Так зачем было писать еще одну?»

Даже произнося эти слова, он продолжал спорить с собой. *Она говорит, что никогда не чувствовала себя лучше. Она не пациент психиатра. Она не обращалась к терапевту целых девять лет! Это прекрасно. Так почему же нет, Христа ради? Два взрослых человека, которые не против!*

«Переживание утраты занимает особое место в ряду психологических проблем. Во-первых, она универсальна. Никому в нашем возрасте...»

Эрнест улыбнулся и заглянул в глаза доброй половине аудитории. В этом он был мастер. Он отметил сидящую в последнем ряду Нан улыбкой и кивком головы. Рядом с ней сидела привлекательная женщина сурового вида с короткими черными кудрями, которая, казалось, внимательно рассматривала его. Что, и эта женщина пытается обольстить его? Он перехватил ее взгляд. Она быстро отвела глаза.

«Никому в нашем возрасте не удается избежать утраты, – продолжал Эрнест. – Это универсальная психологическая проблема».

Нет, это проблема, напомнил себе Эрнест. Нан и я – это не двое взрослых, которые не против. Я слишком много о ней знаю. Она слишком много мне рассказала, поэтому чувствует необычайную привязанность ко мне. Помню, ее отец умер, когда она была подростком, и я занял его место. Вступив с ней в сексуальные отношения, я совершил предательство.

«Многие отмечают, что читать студентам-медикам лекцию о переживании утраты легче, чем о любом другом психиатрическом синдроме. Эта тема понятна студентам. Из всех психиатрических нарушений она больше всего напоминает медицинские заболевания, например инфекционные заболевания или физические травмы. Ни одно другое психическое нарушение не отличается наличием столь явного начала, конкретной, легко определяемой причины, логически предсказуемого течения, эффективного, ограниченного во времени терапевтического курса и четко выделенного однозначного финала».

Нет, спорил сам с собой Эрнест, за десять лет все долги уже выплачены. Может быть, когда-то она видела во мне отца. Ну и что с того? Тогда – это тогда, а сейчас – это сейчас. Она видит во мне умного, чуткого мужчину. Посмотрите на нее: она смотрит мне в рот. Ее тянет ко мне. Посмотри правде в глаза. Я чуткий. Я сильный. Я серьезный. Как часто одиноким женщинам ее возраста – да любого возраста! – попадают такие мужчины, как я?

«Но, дамы и господа, тот факт, что студенты-медики жаждут легкой и немудреной диагностики и терапии, связанной с утратой травмы, не делает их проще. Попытка понять суть утраты через медицинскую модель влечет за собой потерю всего истинно человеческого в нас. Потеря – это не бактериальное заражение, она не похожа на физическую травму; душевная боль не схожа с соматическими дисфункциями; душа и тело – это не одно и то же. Сила, характер муки, которую мы испытываем, определяется не (или не только) характером травмы, но и смыслом оной. А смысл и составляет то различие между телом и душой».

Эрнест сел на своего конька. Он всмотрелся в лица слушателей, чтобы удостовериться в том, что их внимание приковано к нему.

Помнишь, прошипел Эрнест про себя, как она боялась развода из-за прошлого опыта с мужчинами, которые использовали ее как сексуальный объект, а потом просто или дальше своей дорогой? Помнишь, какую опустошенность она ощущала? Если бы я провел с ней эту

ночь, я бы сделал в точности то же самое – я бы стал еще одним мужчиной-эксплуататором из ее длинного списка!

«Позвольте мне привести пример важности «смысла» из данных моего исследования. Попробуйте решить вот такую загадку: две вдовы, недавно пережившие утрату, каждая из них прожила в браке сорок лет. Одна вдова сильно страдала, но постепенно вернулась к жизни, стала наслаждаться периодами спокойствия и даже – время от времени – счастья. Другой пришлось намного тяжелее: спустя год она впала в глубокую депрессию с суицидальными проявлениями, так что потребовалось длительное психиатрическое лечение. От чего может зависеть такая разница в исходе подобной ситуации? Вот в чем загадка. Теперь я дам вам небольшую подсказку.

Эти женщины были во многом похожи, но между ними было одно очень важное различие: характер семейных отношений. У одной женщины были неустойчивые, конфликтные отношения с мужем, у другой – любовь, взаимоуважение и качественный рост отношений. А теперь я хочу задать вам вопрос: кто из них кто?»

В ожидании ответа Эрнест снова поймал взгляд Нан и подумал: «Как я смогу узнать, что она чувствует себя опустошенной? Или используемой? А как насчет благодарности? Может, у наших отношений есть будущее? Может, ее сексуальные аппетиты столь же велики, как мои? Неужели я не могу расслабиться? Разве я обязан быть спасителем двадцать четыре часа в сутки? Если мне придется беспокоиться о каждом движении, каждом действии, каждом слове, у меня никогда ничего ни с кем не получится!»

Женщины, большие сиськи, секс... ты отвратителен, сказал он себе. Тебе что, больше нечем заняться? Ты не можешь подумать ни о чем более возвышенном?

«Да, вы абсолютно правы!» – сказал Эрнест женщине из третьего ряда, которая высказала свое предположение. «Именно так: женщина, конфликтовавшая с мужем, пережила свою трагедию более болезненно. Очень хорошо. Готов поспорить, вы уже читали мою книгу, а может, вы в этом и не нуждаетесь». Светящиеся обожанием улыбки зала. Эрнест проглотил их с жадностью и продолжил. «Но не кажется ли вам, что это противоречит здравому смыслу? Можно подумать, что женщина, брак которой сорок лет дарил ей любовь и радость, должна была переживать намного сильнее. В конце концов, разве не пришлось ей пережить огромную потерю?»

Но, как вы и предположили, на самом деле результат бывает совершенно противоположный. Тому есть ряд объяснений. Думаю, «сожаление» в этом плане выступает как ключевое понятие. Представьте, какие мучения должны терзать женщину, которая где-то в глубине души чувствует, что потратила сорок лет жизни не на того мужчину. Так что горюет она не по своему мужу или не только по нему. Она оплакивает свою собственную жизнь».

Эрнест, увещевал он себя, в мире миллионы, миллиарды женщин. Только в этом зале наверняка найдется с десяток женщин, которые бы не отказались провести с тобой ночь, если бы тебе хватило прыти заговорить с ними. Только держись подальше от пациенток! Держись подальше от пациенток!

Но она не пациентка. Она свободная женщина.

Тот образ тебя, который она создала себе и который видит перед собой до сих пор, не соответствует реальности. Ты помог ей; она верила тебе. Перенос был мощнейший. А ты пытаешься воспользоваться этим!

Десять лет! Перенос что, бессмертен? Где это написано?

Посмотри на нее! Она великолепна! Она обожает тебя. Когда еще такая женщина выделяла тебя из толпы и испытывала к тебе такие чувства? Посмотри на себя. Посмотри на свое брюхо. Еще пара фунтов, и ты не увидишь ширинку собственных брюк. Хочешь доказать? Вот тебе доказательство!

Внимание Эрнеста было настолько рассредоточено, что у него начала кружиться голова. Это состояние было ему прекрасно знакомо. С одной стороны, искренний интерес к своим

пациентам, студентам, слушателям. С другой стороны – озабоченность глобальными вопросами бытия: развитие, сожаление, жизнь, смерть, значимость. Еще его тень: эгоизм и похоть. О, он был знатоком по части обучения пациентов использованию тени, подпитки ее силами: энергией, жизненной энергией, креативными способностями. Он знал все необходимые слова; ему нравилось изречение Ницше о том, что самые сильные деревья должны пустить корни глубоко, глубоко во тьму, глубоко в зло.

Однако эти прекрасные слова мало для него значили. Эрнест ненавидел свою темную сторону, ненавидел ее власть над ним. Он ненавидел рабство, ненавидел быть ведомым животными инстинктами, ненавидел быть слугой примитивного программирования. Сегодня как раз такой случай: его скотское сопение и кукареканье, примитивное желание соблазнения и обладания – что это, как не атавизмы со времен зарождения живого? А его страсть к женской груди, страсть мять ее и сосать. Патетика! Реликт из молочного детства!

Эрнест сжал кулак, впиваясь ногтями в ладонь, сильнее! *Внимание! У тебя тут сто человек слушателей! Дай им все, выкладывайся по максимуму.*

«И еще один момент относительно конфликтных супружеских отношений. Смерть замораживает их во времени. Они навеки остаются конфликтными, незавершенными, не приносящими удовлетворения. Вспомните о чувстве вины! Вспомните, как вдовцы и вдовы говорят: «Если бы я только...» Я полагаю, что именно поэтому люди так тяжело переносят внезапную утрату, например смерть в автокатастрофе. В этих случаях жена или муж не успевают сказать последнее прости, у них нет времени подготовиться – слишком много незавершенных дел, слишком много неразрешенных конфликтов».

Эрнест говорил, люди затихли, слушая. Он больше не смотрел на Нан.

«Позвольте мне задать вам последний вопрос, после чего мы перейдем к вашим. Задумайтесь на минуту над тем, как специалисты по психическому здоровью оценивают процесс переживания утраты супруга. Какая скорбь позитивна? Когда она проходит? Через год? Через два? Здравый смысл подсказывает, что скорбь проходит, когда человек, переживший утрату, смог достаточно отделиться от утраченного супруга и вернуться к нормальному функционированию, нормальной жизни. Но эта проблема не так проста, как кажется! Она значительно сложнее!

Одним из наиболее интересных открытий, сделанных в ходе моего исследования, стал тот факт, что значительная часть овдовевших супругов – около двадцати пяти процентов – не просто возвращаются к жизни или на прежний уровень функционирования, помимо этого происходит значительный личностный рост».

Эрнесту нравилась эта часть выступления; любая его аудитория находила ее значимой.

«Личностный рост – не абстрактное выражение. Я не знаю, как это можно назвать. Может, понятие «повышенное сознание существования» лучше отражает суть данного явления. Я только знаю, что определенный процент вдов и некоторые вдовцы научаются относиться к жизни совершенно иначе. Они начинают совершенно иначе оценивать самооценку жизни. Появляются новые приоритеты. Как можно характеризовать это? Можно сказать, что они перестают обращать внимание на мелочи. Теперь они способны отказаться делать то, что им делать не хочется, они посвящают себя тому, что действительно имеет значение: любви близких друзей и семье. Они также учатся пить из родников своей креативности, чувствовать смену сезонов и красоту природы. Возможно, самым важным приобретением является пронзительное ощущение собственной конечности и, как следствие, умение жить в непосредственном настоящем, не откладывая жизнь на неопределенный момент в будущем: на выходные, на летний отпуск, на пенсию. Все это более подробно описано в моей книге, в том числе и причины и происхождение этого сознания.

А теперь я готов ответить на ваши вопросы». Эрнест любил отвечать на вопросы: «Как долго вы работали над этой книгой?», «Описания случаев в вашей книге реальны, и если да,

то как вы решаете проблему конфиденциальности?», «Ваша следующая книга?..», «Насколько действительно терапевтическое воздействие при переживании утраты?» Вопросы относительно терапии всегда исходили от людей, переживающих личную утрату, и Эрнест прикладывал максимум усилий, чтобы отвечать на эти вопросы со всей возможной деликатностью. Так, он отвечал, что переживание утраты, по сути своей, ограничено во времени – пережившие утрату люди в большинстве своем приходят в норму как при терапевтическом вмешательстве, так и без него, причем нет никаких доказательств того, что те, кто пережили утрату и проходили впоследствии курс терапии, по истечении года чувствуют себя лучше, чем те, кто к терапевту не обращался. Но, чтобы не показалось, что он принижает значимость терапии, Эрнест поспешил добавить, что существуют доказательства того, что терапия может сделать первый после утраты год менее болезненным, а также неоспоримые доказательства эффективности терапевтического воздействия на людей, переживших утрату и испытывающих сильное чувство вины или злость.

Все вопросы были привычными и приличными – ничего иного от Пало-Альто он и не ожидал. Вопросы здешних слушателей разительно отличались от придирических, вызывающих раздражение вопросов, которые он выслушивал в Беркли. Эрнест посмотрел на часы, показал хозяйке, что он закончил, закрыл папку с заметками и сел. После формального выражения благодарностей от владельца магазина раздались громкие аплодисменты. Толпа покупателей его книг окружила стол. Подписывая книги, Эрнест любезно улыбался. Может, просто разыгралась фантазия, но ему показалось, что несколько привлекательных женщин посмотрели на него с интересом и задержали взгляд на пару секунд. Он не отреагировал: его ждала Нан Карлин.

Толпа понемногу рассосалась. Наконец он освободился и может вернуться к ней. Как все это устроить? Чашка капучино в кафе книжного магазина? Или какое-нибудь не столь людное место? Или просто обменяться парой фраз в магазине и забыть обо всем? Что же делать? Сердце Эрнеста опять начало выпрыгивать из груди. Он оглядел комнату. Где же она?

Эрнест закрыл портфель и помчался искать ее в магазине. Ни следа Нан. Он просунул голову в читальный зал и осмотрелся. Он был пуст, только на том стуле, где раньше сидела Нан, он увидел женщину – стройная суровая женщина с короткими черными кудрями и злым, пронизывающим взглядом. Эрнест снова попытался заглянуть ей в глаза. И снова она отвернулась.

Глава 4

Пациент отменил визит буквально в последний момент, что подарило доктору Маршалу Стрейдеру целый час свободного времени перед еженедельной супервизорской консультацией с Эрнестом Лэшем. Отмена приема вызвала в нем смешанные чувства. Сила сопротивления пациента всерьез беспокоила его: он не поверил в малоправдоподобное оправдание – командировка, но внезапная свобода радовала его. Деньги он получит в любом случае: независимо от причины неявки он вышлет ему счет за этот час.

Ответив на письма и телефонные звонки, Маршал встал из-за стола, чтобы полить четыре бонсая, стоящие на деревянной полке за окном: снежная роза с чудесными хрупкими корнями, выступающими из земли (какой-то дотошный садовник посадил ее так, что она обвила корнями камень, а через четыре года так же тщательно камень удалил); искривленная сосна, которой было, как минимум, шестьдесят лет; рощица из пяти кленов и можжевельник. Ширли, его жена, провела все воскресенье, помогая ему придать форму можжевельнику, и теперь, после первой серьезной стрижки, он выглядел совсем иначе, словно ему было года четыре. Они удалили все отростки снизу двух крупных веток, растущих друг напротив друга, отрезали заблудившуюся ветку, растущую куда-то вперед, и превратили деревце в изящный неравносторонний треугольник.

Потом Маршал перешел к одному из своих самых любимых занятий: он развернул «Wall Street Journal» на таблицах сырьевых бирж и достал из бумажника два приспособления размером с кредитную карточку, при помощи которых он подсчитывал свои доходы: увеличительное стекло, чтобы читать напечатанные мелким шрифтом рыночные цены, и калькулятор на солнечных батарейках. Вчера рынок был ненасыщенным. Ничего не изменилось, за исключением позиции его самого крупного вложения – Silicon Valley Bank, акции которого он приобрел по совету своего бывшего пациента. Его акции поднялись на один и восемь; с его долей в пятнадцать сотен получалось почти семнадцать сотен долларов. Он поднял голову от таблиц и расплылся в улыбке. Жизнь хороша.

Достав самый свежий номер «Американского психоаналитического журнала», он пробежался глазами по содержанию, но тут же захлопнул его. Семнадцать сотен баксов! Боже правый, почему же он не купил больше? Откинувшись на спинку вращающегося кожаного кресла, он начал оценивающе изучать свой офис. Гравюры Хандертвассера и Шагала, коллекция винных бокалов восемнадцатого века со слегка изогнутыми, украшенными лентами ножками блистала в тщательно отполированной горке розового дерева. Особенно он любил три восхитительные стеклянные скульптуры работы Мюслера. Он поднялся, чтобы смахнуть с них пыль старой метелкой из перьев, которой отец чистил полки в своей крошечной бакалейной лавке на перекрестке Пятой улицы и улицы Р в Вашингтоне.

Большую коллекцию картин и гравюр он держал дома, но изящные бокалы для шерри и хрупкие шедевры Мюслера были неотъемлемым украшением офиса. Проверив сейсмоустойчивость стеклянных конструкций, он любовно коснулся своего любимого Золотого Кольца Времени – крупной, сияющей тончайшей чаши оранжевого стекла, чьи края напоминали крыши какого-то футуристического мегаполиса. Он купил ее двенадцать лет назад, но не проходило и дня, чтобы он не приласкал ее; ее совершенные очертания и удивительная прохлада чудесным образом успокаивали его. Не раз возникало у него искушение, только искушение, разумеется, предложить обезумевшему пациенту разбить ее и выпить ее прохладную, успокаивающую тайну.

Слава богу, ему удалось взять верх над желаниями жены и купить эти три произведения искусства. Это были его лучшие приобретения. И, возможно, последние. Работы Мюслера так сильно поднялись в цене, что следующая покупка стоила бы ему полугодового заработка. Вот

если бы ему уловить еще один рыночный взлет фондового индекса, как получилось у него в прошлом году, может быть, тогда – но, разумеется, его лучший «жучок» был еще слишком неуравновешен, чтобы можно было завершить терапию. Или, может быть, когда его дети закончат колледж и школу, но до этого момента придется ждать, как минимум, пять лет.

Три минуты двенадцатого. Эрнест Лэш, как обычно, опаздывал. Маршал был его супервизором последние два года, и, хотя Эрнест платил ему на десять процентов меньше, чем пациенты, Маршал всегда с нетерпением ждал этих еженедельных встреч. Эрнест был освежающим перерывом в его работе с клиническими пациентами – прекрасный ученик: целеустремленный искатель, способный, восприимчивый к новым идеям. Обладатель живого любопытства – и абсолютный невежда в психотерапии.

Эрнесту уже тридцать восемь – поздно вато для супервизорского наблюдения, но Маршал считал это скорее его достоинством, чем недостатком. Во время практики в психиатрической клинике, которая закончилась около десяти лет назад, Эрнест наотрез отказывался приобретать какие-либо знания или умения из области психотерапии. Вместо этого, услышав сладкое пение сирен биологической психологии, он посвятил себя фармакологическому лечению психических заболеваний, а после практики был приглашен принять участие в лабораторных исследованиях в области молекулярной биологии.

Эрнест был не одинок в своем увлечении. Большинство его сверстников направили свои стопы в том же направлении. Десять лет назад психиатрия оказалась на пороге важнейших биологических открытий в области биохимических причин психических расстройств, в психофармакологии, в новых имаджинарных методах исследования анатомии и функционирования мозга, в психогенетике. Предстояло открытие хромосомной локализации специфических генов, вызывающих основные психические расстройства.

Но эти новые разработки не увлекли Маршала. За свои шестьдесят три года он слишком долго проработал в психиатрии, успев пережить не один такой позитивистский взлет. Он помнил те волны близкого к экстазу оптимизма (с последующим разочарованием), сопровождавшие появление тофранила, психохирургии, милтауна, резерпина, ЛСД, торазина, лития, экстази, бета-блокаторов, занакса и прозака, и ничуть не удивлялся, когда биологизаторский ажиотаж начинал угасать, когда множество экстравагантных результатов исследования не получали подтверждения и ученые начинали понимать, что, вероятнее всего, им так и не удалось найти пораженные хромосомы, вызывающие искаженные мысли. На прошлой неделе Маршал присутствовал на спонсируемом университетом семинаре, на котором ведущие ученые представляли сенсационные данные своих исследований далай ламе. Он не был сторонником нематериалистических взглядов на мир, но ему доставила огромное удовольствие реакция далай ламы на представленные учеными новейшие фотографии отдельных атомов и их уверенность в том, что нет ничего вне материи. «А как насчет времени? – ласково спросил далай лама. – Вы уже видели его молекулы? И еще, пожалуйста, покажите мне фотографии самости, покажите мне вечную суть личности».

Проработав несколько лет в области психогенетических исследований, Эрнест разочаровался как в самих исследованиях, так и в научной политике и занялся частной практикой. Два года он проработал психофармакологом, выписывая всем пациентам лекарства после двадцати минут общения. Со временем – и в этом свою роль сыграл Сеймур Троттер – Эрнест начал осознавать ограниченность и даже вульгарность лечения всех заболеваний при помощи медикаментов и, пожертвовав сорока процентами дохода, мало-помалу переходил на психотерапевтическую практику.

Так что, думал Маршал, Эрнесту делает честь желание работать с экспертом в области психоанализа в качестве супервизора и намерение закончить институт психоанализа. Маршал содрогался при мысли обо всех тех психиатрах, психологах, социальных работниках, консуль-

тантах, которые занимаются практической психотерапией без специальной психоаналитической подготовки.

Эрнест, как обычно, ворвался в кабинет, опоздав ровно на пять минут, налил себе чашку кофе, упал в итальянское кресло Маршала, обтянутое белой кожей, и начал рыться в портфеле в поисках своих записей по клиническим случаям.

Маршал уже не спрашивал, почему Эрнест опаздывает. Он задавал этот вопрос месяцами, не получая удовлетворительного ответа. Однажды Маршал даже вышел на улицу и замерил путь от своего офиса до офиса Эрнеста. Один квартал, четыре минуты! Назначенная на 11.00 встреча Эрнеста с пациентом закончилась в 11.50, так что даже с посещением туалетной комнаты Эрнесту вполне должно было хватить времени, чтобы добраться сюда ровно в полдень. Но, утверждал Эрнест, обязательно возникают непредвиденные обстоятельства: пациент занял больше времени, чем было запланировано, пришлось ответить на телефонный звонок, Эрнест забыл свои записи, и ему пришлось бегом возвращаться в офис. Всегда находилась какая-нибудь причина.

И причиной этой было сопротивление. Платить немалые деньги за пятьдесят минут и систематически проматывать десять процентов этого времени и денег! Маршал был уверен, что все это является неоспоримым доказательством амбивалентности пациента.

Обычно Маршал был непоколебим в своем намерении досконально исследовать причины опоздания. Но Эрнест не был его пациентом. Вернее, не совсем. Супервизорство занимает ничейную землю между терапией и обучением. Были случаи, когда хорошему супервизору приходилось выходить за пределы материала разбираемого случая и углубляться в бессознательные мотивации и конфликты самого студента. Но существовали границы, за которые супервизор не имел права, если, конечно, это не было специально оговорено в терапевтическом контракте.

Так что Маршал оставил опоздание Эрнеста без комментариев, но пообещал себе в любом случае закончить их пятидесятиминутную встречу точно вовремя – секунда в секунду.

«Нам надо столько всего обсудить, – начал Эрнест. – Даже не знаю, с чего начать. Сегодня я бы хотел поговорить о других проблемах. У тех двух пациентов, которых мы с вами ведем, Джонатана и Венди, ничего нового – обычные сеансы, у них все в порядке.

Я бы хотел рассказать вам о встрече с Джастином: здесь мы имеем основательный материал по контрпереносу. И еще о случайной встрече с моей бывшей пациенткой – вчера вечером в читальном зале книжного магазина».

«Как продается книга?»

«Она все еще выставляется в книжных магазинах. Ее читают все мои друзья. Еще я получил несколько хороших отзывов – один был напечатан на этой неделе в информационном бюллетене АМА¹⁴».

«Потрясающе! Это важная книга. Я собираюсь послать экземпляр своей старшей сестре, у которой прошлым летом умер муж».

Эрнест подумал, что с удовольствием предложил бы поставить автограф с небольшим личным посланием на этом экземпляре. Но слова застряли у него в горле. Предлагать такое Маршалу было бы самонадеянным нахальством.

«Ладно, приступим к работе. Джастин... Джастин... – Маршал пролистывал свои записи. – Джастин? Напомните мне. Это тот ваш давний обсессивно-компульсивный пациент? Тот, у которого масса проблем с женой?»

«Он самый. Я давно ничего не рассказывал о нем. Но, если вы помните, мы довольно тщательно следили за ходом терапии в течение нескольких месяцев».

¹⁴ American Medical Association, Американская медицинская ассоциация. – Прим. ред.

«Я не знал, что вы до сих пор с ним работаете. Напомните мне, почему мы перестали разбирать этот случай на супервизорских консультациях?»

«Ну, если честно, то потому, что я потерял интерес к этому случаю. Мне было ясно, что он больше никуда не продвинется. Мы же на самом деле не проводили терапию, скорее осуществляли сдерживающую функцию. Но он все равно приходит ко мне три раза в неделю».

«Сдерживающее воздействие – три раза в неделю? Это интенсивное сдерживание». Маршал откинулся в кресле и уставился на потолок, как всегда, когда он внимательно слушал собеседника.

«Ну, меня это тоже беспокоит. Правда, я не поэтому решил поговорить с вами о нем сегодня, но, может быть, к этому мы тоже вернемся. Я никак не могу урезать его время – сейчас это три сеанса в неделю, а потом один-два телефонных звонка!»

«Эрнест, к вам есть очередь?»

«Небольшая. На самом деле один-единственный пациент. А что?» Но Эрнест прекрасно знал, к чему клонит Маршал, и не мог не восхититься тем, с какой уверенностью он задает сложные вопросы. Черт возьми, он крут!

«Ну, я полагаю, что многих терапевтов настолько пугает перспектива невостребованных часов, что они бессознательно стараются удержать своих пациентов в зависимом состоянии как можно дольше».

«Я не такой – и я не раз обсуждал с Джастином возможность сокращения нашего общения. Если бы я удерживал пациента в терапии ради своей записной книжки или бумажника, я бы плохо спал по ночам».

Маршал слегка наклонил голову, давая понять, что он удовлетворен ответом, по крайней мере на данный момент. «Несколько минут назад вы сказали, что вам было ясно, что он больше никуда не продвинется. Глагол в прошедшем времени. А теперь произошло нечто, что заставило вас пересмотреть свою точку зрения?»

Маршал был хорошим слушателем: запоминал все, что ему говорили. Эрнест с восхищением посмотрел на него: копна светлых волос, внимательные карие глаза, чистая, ровная кожа, тело, которое могло бы принадлежать человеку лет на двадцать моложе. Тело Маршала было под стать его духу – подтянутое, ни капли жира, крепкие мускулы. Он когда-то играл за команду Рочестерского университета в качестве защитника. Рукава пиджака тесно облегли его крупные бицепсы и веснушчатые предплечья – скала! Скалой он был и в своей профессиональной роли: подтянутый, уверенный, никогда не поддающийся сомнениям, всегда точно знающий правильный путь. Некоторые терапевты-преподаватели тоже были окружены аурой уверенности – уверенности, порожденной ортодоксальностью и убежденностью, – но никто из них не мог сравниться с Маршалом, никто не мог говорить с такой информированной и гибкой авторитетностью. Уверенность Маршала проистекала из какого-то другого источника, из некоей инстинктивной уверенности тела и разума, которая отметала все сомнения, которая неизменно обеспечивала ему немедленную и полную осведомленность в важных вопросах. С самой первой встречи, которая состоялась десять лет назад, когда Эрнест услышал лекцию Маршала по аналитической психотерапии, Маршал стал для него эталоном.

«Вы правы. Чтобы ввести вас в курс дела, мне придется вернуться немного назад, – сказал Эрнест. – Вы, наверное, помните, что в самом начале Джастин прямо попросил меня помочь ему уйти от жены. Вам казалось, что я оказался слишком сильно вовлечен в этот случай, что развод Джастина стал моей миссией, что я стал членом «комитета бдительности». Кажется, тогда вы назвали меня «терапевтически невоздержанным», помните?»

Разумеется, Маршал помнил. Он улыбнулся и кивнул.

«Ну, вы были правы. Я выбрал неверное направление. Все, что я ни делал, чтобы помочь Джастину уйти от жены, пошло прахом. Каждый раз, когда он был близок к осуществлению

своего намерения, каждый раз, когда его жена говорила, что, может, им лучше расстаться, он впадал в панику. Я не раз боролся с искушением отправить его на госпитализацию».

«А его жена? – Маршал взял лист бумаги и начал делать заметки. – Простите, Эрнест, я не смог найти свои старые записи».

«А что его жена?» – спросил Эрнест.

«Вы когда-нибудь видели их вместе? Что она собой представляет? Она тоже работала с терапевтом?»

«Никогда ее не видел! Я даже не знаю, как она выглядит, но представляю ее демоном. Она не захотела прийти ко мне, говорила, что это у Джастина патология, а не у нее. И на индивидуальную терапию она не соглашалась – полагаю, по той же причине. Нет, здесь было что-то еще... Помнится, Джастин говорил мне, что она ненавидит мозгоправов – она лечилась у двух или даже трех терапевтов, когда была моложе, и каждый из них в конце концов склонял ее к сексу – или пытался склонить. Как вы знаете, мне уже доводилось работать с пациентами, пережившими насилие, и меня, как никого другого, возмущает это бессовестное предательство. Но если с одной и той же женщиной два или три раза случается что-то подобное... Я не знаю, может, имеет смысл разобраться с ее бессознательными мотивациями...»

«Эрнест, – энергично затряс головой Маршал, – это первый и последний раз, когда вы слышите от меня такие слова, но это как раз тот случай, когда бессознательные мотивации не имеют никакого отношения к делу! Когда происходит сексуальный контакт терапевта с пациенткой, мы должны игнорировать психодинамику и переключить все внимание исключительно на поведение. Терапевты, вступающие в сексуальные отношения со своими пациентками, всегда безответственны и деструктивны. Им нет оправдания – они не должны были этого делать! Возможно, некоторые пациенты испытывают конфликты в сексуальной сфере, возможно, они хотят соблазнить мужчину (или женщину), занимающего авторитетное положение или обладающего властью, возможно, они сексуально импульсивны, но ведь это именно то, в связи с чем они обращаются к терапевту. А если терапевт не понимает этого и не способен работать с этим, ему стоит заняться чем-нибудь другим.

Я уже говорил вам, – продолжал Маршал, – что я являюсь членом Государственной комиссии по медицинской этике. Так что прошлую ночь я провел за чтением дел, которые будут разбираться на ежемесячном заседании, которое состоится на следующей неделе в Сакраменто. Кстати, я собирался об этом с вами поговорить. Я хочу предложить вам отработать срок в этой комиссии. Мои три года истекают в следующем месяце, и мне кажется, что вы прекрасно справитесь. Я помню, какую вы заняли позицию при разборе того дела Сеймура Троттера несколько лет назад. Смелость, прямота и честность. Этот грязный старый подонок так затерроризировал всех, что никто бы не осмелился давать показания против него. Вы оказали огромную услугу психотерапии. Но что я хочу вам сказать, – продолжал Маршал, – сексуальные злоупотребления в отношениях терапевт – пациент приобретают масштабы эпидемии. Почти каждый день в газетах появляются статьи о новых скандальных случаях. Друг прислал мне одну статью из «Boston Globe», в которой говорилось о шестнадцати психиатрах, обвиненных в сексуальном злоупотреблении за последние несколько лет. Среди них были и довольно известные фигуры, например бывший председатель Тафте, один старший преподаватель психоанализа из Бостонского института. И разумеется, там упоминался случай Юлиуса Массермана, который, как и Троттер, когда-то занимал пост президента Американской психиатрической ассоциации. Только представьте себе, чем он занимался! Он давал своим пациентам пентотал натрия и занимался с ними сексом, пока они находились без сознания. Уму непостижимо!»

«Да, это поразило меня больше всего, – сказал Эрнест. – Мои соседи по комнате во время интернатуры посмеивались надо мной из-за того, что весь тот год я провел, вымачивая ноги, – у

меня были огромные проблемы с вросшими ногтями, – за чтением «Принципов динамической психотерапии» Массермана. Это был лучший учебник, который мне приходилось читать!»

«Знаю, знаю, – ответил Маршал, – все эти падшие идолы. И ситуация ухудшается. Не понимаю, что происходит. Сегодня ночью я проштудировал обвинения в адрес восьми терапевтов – шокирующие, отвратительные вещи. Можете представить себе терапевта, который спал – и брал за это деньги! – со своей пациенткой на каждом сеансе два раза в неделю в течение восьми лет! Или детский психиатр, которого поймали в мотеле с пятнадцатилетним пациентом. Он был с головы до ног намазан шоколадным сиропом, а пациент его слизывал! Какая мерзость! Был и случай вуайеризма: терапевт, специализирующийся на работе с расщеплением личности, гипнотизировал своих пациентов, выводя на передний план самую примитивную личность и заставляя ее мастурбировать перед ним. В оправдание он приводил тот факт, что он никогда не прикасался к своим пациентам, к тому же, по его словам, это был верный терапевтический подход: сначала обеспечить субличностям свободное выражение в безопасной среде, после чего постепенно стимулировать проверку реальности и интеграцию».

«И при всем при этом возбуждаться, глядя на мастурбирующих пациентов», – вставил Эрнест, бросив украдкой взгляд на часы.

«Вы посмотрели на часы, Эрнест. Можете сказать это словами?»

«Ну, время идет, а я хотел рассказать вам кое-что о Джастине».

«Иначе говоря, может, вам бы и было интересно поговорить об этом, вы не за тем пришли.

И вам бы не хотелось тратить на это время и деньги?»

Эрнест пожал плечами.

«Я угадал?»

Эрнест кивнул.

«Так почему бы не сказать об этом прямо? Это ваше время, вы за него деньги платите!»

«Да, Маршал, это все та же старая история – всем всегда угодить. Трепетать в благоговейном страхе».

«Чуть меньше страха и чуть больше непосредственности пошло бы на пользу нашему сотрудничеству».

Как скала, подумал Эрнест. Как гора. Вот такие короткие диалоги, по сути своей, не имеющие отношения к формальному обсуждению пациентов, приносили ему самую большую пользу. Эрнест надеялся, что рано или поздно ему удастся интернализировать психическую устойчивость Маршала. Он также взял на заметку ярое неприятие Маршалом сексуальных отношений между терапевтом и пациентом. Он хотел поговорить о дилемме, с которой он столкнулся, встретив Нан Карлин на выступлении в книжном магазине. Теперь он сомневался, стоит ли начинать этот разговор.

Эрнест вернулся к Джастину: «Итак, чем больше я работал с Джастином, тем больше убеждался в том, что все, чего нам удавалось добиться на сеансах, разбивалось в пух и прах дома, стоило ему вернуться к жене Кэрол, которая была самой настоящей мегерой».

«Я начинаю вспоминать. Это не у нее было пограничное состояние? Это не она выбрасывалась из автомобиля, чтобы не позволить ему купить рогалики?»

Эрнест кивнул: «Да, это Кэрол! Самая подлая, самая упрямая, самая несговорчивая дамочка, которую мне доводилось знать, пусть и не лично, и я надеюсь, что мы никогда не встретимся. Что касается Джастина, два или три года я успешно применял к нему традиционный подход: хороший терапевтический альянс, однозначная интерпретация его динамики, совершенная профессиональная беспристрастность. Но я все равно не мог сдвинуть этого парня с мертвой точки. Я перепробовал все, задал ему все необходимые вопросы: почему он женился на Кэрол? Какую выгоду он получает, поддерживая эти отношения? Почему он решил завести детей? Но ничего из того, о чем мы говорили, так и не отразилось в поведении.

Я понял, что все наши традиционные предположения о том, что правильная интерпретация и инсайт не могут не привести к внешним переменам, не работают. Я потратил несколько лет на интерпретацию, но Джастин, как мне казалось, страдал полным параличом воли. Может, вы помните, что, поработав с Джастином, я увлекся концепцией воли и начал читать все, что только мог найти на эту тему: Уильям Джеймс, Ролло Мэй, Ханна Арендт, Алан Уилз, Лесли Фарбер, Сильвано Ариети. Кажется, около двух лет назад я представил целостную концепцию паралича воли».

«Да, я помню вашу лекцию – это было хорошее выступление, Эрнест. Я до сих пор думаю, что вам стоит подготовить ее для публикации».

«Благодарю. У меня самого случился небольшой паралич воли, и я никак не могу закончить эту работу. Сейчас ее отодвинули на второй план два других проекта. Может, вы помните, я тогда говорил, что, если инсайт не запускает механизм воли, терапевт должен найти какой-то другой способ ее мобилизации. Я пытался убеждать: так или иначе, я начинал нашептывать ему на ушко: «Вам нужно попытаться». Я понял, о, я прочувствовал слова Алана Уилза о том, что некоторым пациентам стоит оторваться от кушетки и взять руль в свои руки.

Я пробовал визуализацию, – продолжал Эрнест, – и заставлял Джастина проецировать себя на будущее – десять, двадцать лет спустя – и представлять себя все также состоящим в этом смертоносном браке, представлять, как он будет сожалеть и раскаиваться в том, во что он превратил свою жизнь. Это не сработало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.